

Нижняя Силезия для единой Европы

Международное региональное сотрудничество
– фундамент развития и безопасности

WROCLAW

РЕДАКЦИЯ
АРТУР ДЖЕВИЦКИ
РОБЕРТ ФОКС

ПЕРЕВОД
ІГОР КОНОВАЛЕНКО

© Copyright by Фонд Форум Восточной Политики
© Copyright by Нижнесилезский Фонд Регионального Развития

ВРОЦЛАВ 2012

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Введение
- 5 Авторы
- 7 Черный В.В. | Стратегия России в европейской интеграции
- 11 Коваленко М.П. | Визовый режим - как фактор ограничения для межчеловеческих контактов на примере Калининградской области
- 17 Крети́нин Г. В. | Преодолевать угрозы – укреплять доверие: региональное сотрудничество в Центральной и Восточной Европе как инструмент укрепления европейской стабильности
- 20 Квечиньски Л. | Стратегия регионов и государственная стратегия – региональная и государственная стратегическая мысль как детерминант и новая плоскость развития международного сотрудничества
- 24 Матийчик Я. | Реалии отношений Евросоюз – Восточная Европа: имитация, лукавство и похороны интеграции
- 32 Мруз М. | Между Восточным партнёрством и Партнёрством во имя модернизации – в поисках новой формулы реализации польской политики по отношению к Украине.
- 39 Палагин С. Ф. | Преодолевать угрозы – укреплять доверие: региональное сотрудничество в Центральной и Восточной Европе как инструмент укрепления европейской стабильности.
- 43 Перепелица Г. | Вызовы безопасности, конфликты и угрозы в центральной и восточной Европе: первоначальный диагноз и императивный прогноз
- 49 Плученник С. | Больше свободы, больше ответственности. Трансформация капитализма и технологические изменения – и экономические стратегии регионов.
- 53 Проничев А.Р. | Сотрудничество регионов Центральной и Восточной Европы по вопросу информационной безопасности как инструмент укрепления европейской стабильности
- 56 Русакович А.В. | Беларусь: между Восточным партнёрством и Евразийским союзом
- 65 Сенкевич М. | Преодолевать угрозы – укреплять доверие: региональное сотрудничество в Центральной и Восточной Европе как инструмент укрепления европейской стабильности
- 69 Винницки З. Ю. | Заметки о значении современных межцивилизационных отношений в Центральной и Восточной Европе
- 81 Врублевски М. | Стратегия Регионов и Государственная Стратегия – региональная и государственная стратегическая мысль как детерминант и новая плоскость развития международного сотрудничества

ВВЕДЕНИЕ

Представляемая публикация является результатом дискуссии, участие в которой приняли польские, белорусские, российские и украинские учёные, представители правительственных и общественных аналитических организаций и органов местного самоуправления, в ходе международной экспертной конференции под названием *«Между Востоком и Западом. В поисках новых плоскостей и инструментов регионального сотрудничества»*.

Главной целью встречи, организованной фондом «Форум Восточной Политики» и Нижнесилезским Фондом Регионального Развития 15-16 ноября 2012 г. в Кшижовой под Свидницей, было проведение широкой дискуссии на темы, наиболее существенные с точки зрения развития международного регионального сотрудничества в регионе Центральной и Восточной Европы, как на государственном уровне, так и на уровне местного самоуправления, затрагивающей научные, экономические, административные и общегосударственные вопросы.

В результате среди главных тем, поднятых на конференции, оказались, в частности, такие проблемы, как европейские интеграционные процессы, региональная безопасность, международное локальное сотрудничество, корреляция между государственной и региональной стратегией в государственном и самоуправленческом измерении, многоплановое экономическое сотрудничество и цивилизационное развитие пространства Центральной и Восточной Европы.

Международная экспертная конференция являлась неотъемлемой частью проекта *«Нижняя Силезия для единой Европы. Международное региональное сотрудничество – фундамент развития и безопасности»*, реализуемого в рамках публичного задания Министерства Иностранных Дел Республики Польша «Поддержка гражданского и самоуправленческого измерения польской внешней политики – 2012», в сотрудничестве с Отделом Иностранного Сотрудничества и Международных Проектов Управления Делами Маршала Нижнесилезского Воеводства.

В работе конференции принимали участие, в частности, представители Дипломатической Академии при Министерстве Иностранных Дел Украины, Фонда «Наука и Политика» (Берлин, ФРГ), Института Международных Исследований Вроцлавского Университета, Балтийского Информационно-Аналитического Центра Российского Института Стратегических Исследований, Центра Изучения Внешней Политики и Безопасности (Минск, Беларусь), Агентства Безопасности по Инвестициям и Бизнесу в России, Группы Стратегических Исследований и Исследований в Области Безопасности (Киев, Украина), а также представители:

- органов местного самоуправления Нижнесилезского воеводства;
- властей украинских областей: Днепропетровской, Донецкой, Кировоградской;
- властей Калининградской области (Россия);

а также члены Общественных Палат Владимирской и Ленинградской областей (Россия).

Мы надеемся, что представленные в публикации рекомендации и комментарии не только послужат продвижению идеи регионального сотрудничества на пространстве Центральной и Восточной Европы, как в общегосударственном, так и самоуправленческом измерении, а и будут способствовать оживлению дискуссии на тему будущего этой части континента, особенно в контексте перспективного и стратегического подхода к сложным взаимосвязям между её народами и государствами.

д-р Артур Джевицки

д-р Роберт Фокс

АВТОРЫ

Владимир В. Чёрный	профессор д-р, Директор по науке Агентства Безопасности по Инвестициям и Бизнесу в России, Вице-Президент Фонда Защиты Конституционных Прав Коренных Малочисленных Народов России
Максим П. Коваленко	Руководитель Департамента Международного и Межгородского Сотрудничества Калининградского Городского Совета
Геннадий В. Кретинин	профессор д-р, Руководитель Балтийского Информационно-Аналитического Центра Российского Института Стратегических Исследований; профессор Исторического Факультета Балтийского Федерального Университета им. Иммануила Канта, Калининград
Лешек Квечиньски	доктор, адъюнкт Института Международных Исследований Вроцлавского Университета
Ярослав Матийчик	Исполнительный Директор «Группы Стратегических Исследований и Исследований в Области Безопасности»; Председатель Комитета по Вопросам Регионального Сотрудничества и Политики Безопасности Общественного Совета МИД Украины
Мачей Мруз	профессор, д-р, Руководитель Сектора Внешней Политики РП Института Международных Исследований Вроцлавского Университета
Сергей Палагин	Исполнительный Директор Общественного Объединения «Центр Изучения Внешней Политики и Безопасности», Минск
Григорий Перепелица	профессор, д-р, Директор Института Внешней Политики Дипломатической Академии Украины при Министерстве Иностраных Дел Украины; профессор Кафедры Международных Отношений и Внешней Политики Института Международных Отношений Киевского Национального Университета им. Тараса Шевченко
Себастьян Плученник	доктор, адъюнкт Института Международных Исследований Вроцлавского Университета
Александр Р. Проничев	член Общественной Палаты Владимирской Области (Россия)

Андрей В. Русакович	кандидат и.н., Председатель Правления Общественного Объединения «Центр Изучения Внешней Политики и Безопасности»; Доцент Факультета Международных Отношений Белорусского Государственного Университета, Минск
Марчин Сенкевич	доктор, аналитик фонда «Форум Восточной Политики»; адъюнкт Института Международных Исследований Вроцлавского Университета
Здзислав Ю. Винницки	профессор д-р Вроцлавского Университета; Директор Института Международных Исследований Вроцлавского Университета
Марек Врублевски	профессор д-р Вроцлавского Университета; Заместитель Директора Института Международных Исследований Вроцлавского Университета по вопросам науки

Проф. д-р Владимир В. Черный

директор по науке Агентства безопасности по инвестициям и бизнесу в России (Москва, Россия)

СТРАТЕГИЯ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Какую стратегию развития выбрать России? Как строить инновационную экономику, в которой велико значение человеческого капитала? Готова ли страна к интеллектуальной революции, которая уже началась в мире? Ее индикаторами являются глобализация демократии и экономики, вновь созданные финансовые инструменты и использование новых форм социальной организации труда. Выход России из кризиса может способствовать долгосрочная стратегия экономического развития по канонам цивилизованного «информационного общества» на основе свободы предпринимательства и использования интеллектуального ресурса с учетом «темной материи» глобальных финансов.

Переход к демократии зависит как от культуры общества, так и от уровня экономического развития. Успехи развития демократии в странах освобождающихся от оков тоталитаризма непосредственно связаны с модернизацией их экономик, с внедрением в жизнь рыночных механизмов и достижений информационного общества, науки и высоких технологий, современных финансовых инструментов. Цивилизационное развитие общества предполагает также умение владеть современными научно-технологическими инструментами, спектр которых постоянно расширяется.

Разные оценки методов и роли рыночной экономики в стабилизации и стимулировании устойчивого развития заставляют понять роль функционирования механизмов информационного общества и особенностей совершенствования социальной организации труда. Исторический опыт показывает, что прогресс остановить невозможно, и обратной дороги нет. Так, ВВП планеты вырос за 50 лет более, чем на 50 процентов, в основном, за счет развития инноваций от малого бизнеса. Инновации сами по себе являются продуктом деятельности развитого интеллекта, в основе которого лежит культурное развитие личности и свобода сознательной мысли.

Например, сегодня Россия развивается в основном за счет сырьевой экономики. Она имеет достаточные доходы и золотовалютные запасы. И в то же время в России

получилось сильное социальное расслоение и массовая бедность. В ее экономике задают тон крупные корпорации. Малый бизнес находится на третьих ролях. Совсем иначе дело обстоит в глобальных мировых экономических цепочках: на корпорации «Боинг», «Тойоту», «Сименс» работают десятки тысяч малых предприятий.

Можно сделать вывод, что цивилизация малого параметра – глобальный конгломерат кустарей-одиночек – это основа дальнейшего развития мировой экономики. На чем же основан этот прогноз? Знание и информация – главные характеристики новой экономики. Преимущественным источником создания богатств становится информация. Механизм взаимодействия знаний и экономики в развитых странах уже отработан, организации реализуют внедрение инноваций. Важным является не процесс реализации знаний, а процесс их создания. Информация сама по себе порождает богатство. Преуспевают те, кто выявляет и решает новые проблемы.

Парадоксально, но доминирующей формой социальной организации труда вновь становится коллективная община. Но она имеет совсем другое качество. С ростом степени специализации и разделения труда, и повышения его производительности возникает процесс, обратный процессу концентрации капитала, поскольку капитал начинает рассредоточиваться по малым бизнесам. Это позволяет развитым странам начинать создавать богатство именно за счет бизнесов в виде малых организационных форм. Да и крупные фирмы начинают приобретать черты, свойственные малому бизнесу. Философия децентрализации в управлении бизнесом и производством обеспечивает оперативное реагирование на усложняющуюся динамику социально-экономического развития.

В этих условиях инициатива мыслится как основной источник требований к трансформируемому труду. Главное – чтобы работники действовали самостоятельно.

Сегодня ученые отмечают связь коммерческого успеха с выходом отдельных творческих личностей и коллективов из традиционной корпорации. В отличие от прошлых десятилетий, когда ключом к достижению цели становилось объединение материальных и финансовых ресурсов многих людей и организаций, все чаще залогом процветания является способность перешагнуть привычные рамки большой корпорации, и в одиночку вступить в борьбу с могучими конкурентами.

Еще одна характеристика информационного общества – доминирование виртуального аспекта бытия. Множество виртуальных (интеллектуальных), то есть нематериальных, компонентов изменяют стиль жизни, формируют структуру

ментальности людей. Сегодня на смену информационной революции приходит интеллектуальная революция. Это происходит на фоне совершенствования культуры человека, увеличения объема его знаний, отказа от идеологического противостояния стран и за счет глобализации демократических принципов, либерализации информации и финансовых инструментов рынков. Известно, что могущество государства определяется успехами в мировой торговле. Поэтому для конкурентоспособности надо создавать экономику малого параметра и пробуждать у людей свободу самовыражения интеллектуального ресурса и предпринимательства. На это следует направить законодательные, управленческие и организационные решения власти.

Сегодня человечество переходит от товарного капитализма к капитализму «интеллектуальному», содержащему множество нематериальных показателей, играющих важнейшую роль в финансовых и торговых взаимоотношениях на международных рынках. Этот процесс сопровождается финансовым переделом мира. Помимо обюрокращенных ВТО, Всемирного банка, МОТ, рождаются новые виртуальные инструменты торговли, институты и структуры глобального управления, напоминающие по своей природе «темную материю». Расчет в рыночной экономике ведется по «гамбургскому счету», – с использованием рискованных финансовых «спекулятивных» инструментов: акций, ценных бумаг, фьючерсов, деривативов, инвестиций, долгов, инфляции и т. д. В этом смысле механизмы «темной материи» выступают движителями глобального экономического прогресса. Трудно согласиться с данной мыслью в условиях кризисов, поскольку всегда хочется найти виноватого. Но в данной ситуации виноваты мы сами. Надо владеть современными иррациональными инструментами, составляющими основу рыночного механизма экономики знаний. Экономическая свобода в рыночной экономике всегда связана с постоянными рисками - ее главными атрибутами и издержками. Для уменьшения рисков есть только один путь – развитие интеллектуальной составляющей знаний о глобальных финансах и тонкая настройка экономики. Поэтому необходимо стимулировать воспроизводства культурного и квалифицированного человеческого капитала.

Виртуальная управляющая глобальной рыночной экономикой для извлечения максимальной прибыли направляет инвестиционные потоки туда, где образовывается высокая конкурентная среда с избытком производственных мощностей. Так было

с развитием микроэлектроники, информатизации, атомной энергетики, авиации и космоса. Так происходит с недвижимостью и нанотехнологиями. Повезет не всем. Но сегодня именно виртуальность бытия определяет общественно-политическую формацию на планете. Так, влияние нанотехнологий на человечество можно сравнить с открытием электричества, антибиотиков. Нанотехнологии – инструмент переустройства мира.

В современном обществе существуют две системы сознания – рыночная и организационная. Первая делит субъекты общественной жизни на богатых и бедных, с различными правами и обязанностями, со своими возможностями социальной мобильности и перемещения людей из одной категории в другую. Вторая полагает, что именно социальный статус человека – фундамент богатства. В основе рыночного сознания лежат контракты и компромиссы, а в основе организационного сознания – приказы руководства. Рынок рождает чувство собственности, а собственность является основой гражданственности. Защита собственности требует развития правосознания у людей. И тогда становятся востребованными конституционная законность и правосудие. Для развивающихся стран пока еще характерен организационный тип сознания, и указания власть предержащих важнее закона. Чтобы преодолеть это явление, например, в Китае приняли пятилетний план развития с ориентирами на ведущую роль интеллигенции и повышение качества продукции. А в России представлены оба типа сознания. И ее экономическое могущество будет зависеть от того насколько успешно разовьется рыночное сознание, основанное на совершенствовании всего спектра культуры общества.

Максим П. Коваленко

Начальник отдела международных и межмуниципальных связей (Калининград, Россия)

ВИЗОВЫЙ РЕЖИМ - КАК ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ МЕЖЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОНТАКТОВ НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Вопрос о развитии Калининградской области, превратившейся в российский анклав внутри военно-политического, социально-экономического, правового и культурного пространства объединенной Европы, представляет собой одну из наиболее острых и актуальных тем повестки дня того обширного диалога, который ведут ЕС и РФ. Обе стороны впервые в своей истории сталкиваются с необходимостью найти выход из нестандартной ситуации, порожденных глобальными геополитическими переменами на Европейском континенте. Можно сказать, что калининградский вопрос стал своеобразным пробным камнем, на котором проверяется на прочность стремление Европейского Союза и Российской Федерации к сотрудничеству, взаимному компромиссу и уважению интересов другой стороны.

В такой обстановке ЕС и РФ концентрируют свое внимание на наиболее острых, «горячих» аспектах калининградского вопроса. К ним относится в первую очередь проблема коммуникаций между Калининградом и остальной частью России. Исторически сложилось так, что львиная доля пассажирских и грузовых перевозок по данному маршруту осуществляется автомобильным и железнодорожным транспортом. После распада СССР сообщение между различными частями одного государства приобрело международный характер, т.к. железная дорога и шоссе проходят по территории Литовской республики. В 90-е гг. этот вопрос решался в рамках двухсторонних договоренностей. Пограничный и таможенный контроль со стороны литовских властей носил по большей части формальный характер, для проезда людей и провоза грузов не требовалось особых документов, помимо тех, которые использовались для перемещения внутри России.

Вступление Литвы в ЕС потребовало изменения национального законодательства и ревизии международных соглашений на предмет их соответствия нормам и стандартам ЕС. Российско-литовский договор о транзите по калининградскому маршруту явно не вписывался в эти рамки. Переговоры

о заключении нового соглашения проходили в тяжелых условиях. Ситуация осложнилась тем, что исходные позиции переговорщиков были диаметрально противоположными. Российская дипломатия настаивала на сохранение существовавшего ранее порядка транзита. Литва требовала урегулирования вопроса на основании законодательства ЕС.

Промежуточным результатом переговоров по транзиту стало заключение временного соглашения, сводившего к минимуму формальности, сопряженные с получением разрешения на проезд через территорию Литвы пассажиров, следовавших из Калининграда в остальную часть России и обратно. Для литовской стороны и ЕС принципиально важно было появление самой разрешительной процедуры. С 1 января 2005 г. для транзитного проезда стал необходим заграничный паспорт. Следующим логичным шагом в этом направлении стало бы требование получать визу в обычном порядке в консульских учреждениях Литвы.

В конце 2012 г. только 16% населения России имеют на руках заграничные паспорта (в Калининградской области этот уровень составляет 54%, на руках 1/3 жителей региона – многократные шенгенские визы), поэтому новые требования создают проблемы для родственников калининградцев, проживающих в других районах России, а также туристов, желающих отдохнуть на российском участке балтийского побережья. Не говоря уже о том, что шестая часть жителей области принадлежит к украинцам и белорусам. Поездки на этническую родину для этих людей уже сейчас проходят на основании международных правил, т.к. российско-европейские договоренности по калининградскому транзиту не распространяются на поездки в третьи страны через территорию Литвы.

Не меньшие сложности возникли при определении условий грузового транзита через территорию нового члена ЕС. Данная проблема находилась на периферии внимания переговорщиков, сконцентрировавших свои силы на пассажирских перевозках. В итоге грузовые перевозки на калининградском направлении летом 2004 г. стали требовать значительно больше времени и средств, чем раньше. Это было связано с необходимостью оформления нового пакета документов, ужесточения требований таможенного, ветеринарного и фитосанитарного контроля.

Европейское сообщество также очень обеспокоено проблемой незаконной миграции и экспорта преступности с Востока. Между тем, правительство и общественность России также считают нелегальное проникновение граждан других

государств на свою территорию существенной опасностью. Было бы целесообразно объединить усилия ЕС и РФ в противодействии незаконной миграции. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Европейский Союз принимает участие в финансировании реконструкции и технического переоснащения пунктов пропуска на калининградских участках российско-польской и российско-литовской границы. С одной стороны, таким образом улучшается инфраструктура служб, призванных бороться с несанкционированным пересечением государственных границ РФ и стран-членов ЕС. С другой стороны, модернизированные пункты пропуска упрощают и ускоряют трансграничные коммуникации законопослушных граждан, сокращают очереди на границах, ограничивают возможности для проявления бюрократического произвола со стороны отдельных представителей таможенного и пограничного ведомств.

Трудно назвать вопрос внешней политики, который сегодня волнует жителей региона также остро, как визовая проблематика. Что обусловлено уникальной геополитической ситуацией, когда российская область находится в окружении политико-правового и экономического пространства ЕС. Этот фактор оказывает мощное воздействие на все стороны жизни рядовых граждан региона.

8 лет назад калининградцы в одночасье потеряли одну из немногих своих привилегий – право на получение национальных виз для поездки в Польшу и Литву. Присоединение к ЕС и «шенгену» поставили крест на общедоступных поездках в Миколайки в выходные. С 2004 г. поездки из Калининграда в сопредельные страны стали возможны только при наличии виз.

Возведение новых барьеров на границах ЕС аргументировалось необходимостью борьбы с нелегальной миграцией, контрабандой и прочими напастями. Статистика свидетельствует о том, что калининградские рубежи, как до, так и после введения виз, пытается пересечь две-три сотни граждан в день, а контрабанда из Калининградской области в Литву и Польшу продолжает литься рекой. Диспаритет цен мотивирует контрабандистов по обе стороны совместных границ гораздо сильнее всех призывов к патриотизму и угроз уголовного преследования.

С июля этого года было введено в действие малое приграничное движение между СВ Польши и Калининградской областью.

Сейчас в качестве великого достижения подается частичное возвращение к состоянию до 2004 г. Тогда мы могли ездить по всей Польше, теперь пространство проникновения ограничено северо-восточным регионом страны. Да и за получением льготного разрешения на въезд все равно придется обращаться в польское генконсульство, и платить сумму в 20 евро.

Как и всякое послабление, нынешнее «малое безвизовое приграничное движение» ориентировано на интенсификацию экономических и человеческих контактов между жителями порубежья. Полякам очень хочется, чтобы калининградцы больше приобретали местных товаров и пользовались услугами гостиниц, ресторанов и т.д. Ради достижения этой цели они готовы включить в приграничье даже Гданьск, расположенный за 150 километров от разделительной линии между Польшей и Россией.

Литва, напротив, занимает предельно осторожную позицию. Из числа рациональных аргументов можно указать на то, что Вильнюс опасается притока более дешевых подакцизных товаров – бензина, спиртного, табака – из-за российских и белорусских рубежей. Хотя, как уже сказано выше, контрабанде в промышленных масштабах все приграничные ограничения ни почем. От них страдают только законопослушные граждане.

В истории о «малом приграничном безвизовом движении» есть еще немало подводных камней. Один из них заключается в контроле за соблюдением пусть широких, но все-таки не безграничных пределов территории, на которую распространяется данная льгота. Не станут же поляки создавать в 150 км. от основной еще одну на сей раз «льготную» границу? Ну а кто помешает калининградцам попробовать прокатиться за пределы «льготной» резервации? Или даже не лихим, обыкновенным гражданам. Как они должны узнать, что приближаются к зоне, для которой нужен «нормальный шенген», иначе они рискуют превратиться не в невольных нарушителей, а просто в невъездных в ЕС минимум на 5 лет. Вероятно, на практике отлов льготников будет проводиться местными полицейскими силами в ходе проверки автомобилей с калининградскими номерами или просто российских граждан.

О том, что приграничные льготы когда-нибудь трансформируются в безвизовое перемещение по просторам ЕС, речи не идет. Это вообще два параллельных процесса. «Приграничное движение» предусматривалось ЕС и раньше, но к практической

реализации его подошли только после того, как интерес к теме проявил еще кто-то, помимо русских. В нашем случае – поляки. Движение к безвизовому перемещению граждан между ЕС и РФ, по определению будет делом непростым и длительным. И сейчас для него очень неудобное время. В результате странной «зари свободы и демократии» на Арабском Востоке чрезвычайную актуальность приобрел вопрос о борьбе с нелегальной миграцией. Вслед за Францией элементы контроля на своих рубежах ввел еще один член Шенгенского соглашения – Дания.

Европол – структура, призванная координировать деятельность правоохранительных органов ЕС – раскритиковал саму идею о безвизовом режиме с Россией уже под другим соусом. Из запасников вновь вынута слегка страшилка про «русскую мафию». Но этот прием ни кого не должен вводить в заблуждение. Болгария и Румыния – члены ЕС и НАТО. И как бы не обстояли у них дела на фронте борьбы с криминалитетом, политическое решение о принятии их в шенгенское пространство уже почти принято. Чего не скажешь о России. Нам еще долго предстоит томиться в предбаннике консульств и посольств. Несмотря на все приятные слова наших европейских партнеров. Только один из них, экс-президент Франции Николя Саркози честно назвал реальный срок решения вопроса о безвизовом режиме. 10-15 лет.

Такой прогноз не может не вызывать в калининградском социуме недовольства. Для того, чтобы его понять, стоит оценить объемы трансграничного трафика. Консульские службы зарубежных государств сейчас подводят предварительные итоги работы в янтарном крае в 2012 году. Больше всего виз успели выдать поляки, достигшие рубежа в 220 тыс. На второй позиции – литовцы. Генконсульство в Калининграде и Советке выдает больше виз, чем литовское посольство в Москве. Дипломаты в Вильнюсе отмечают, что за этот год число обращений россиян за въездными документами возросло на 43%. В российской Прибалтике число выданных литовских виз превысило 130 тыс. Замыкает тройку лидеров генконсульство ФРГ, которое выдало в этом году 25 тыс. виз, что на 15% больше, чем в 2011 году. Как видим, визы получили в этом году не менее 375 тыс. жителей региона. Или больше 1/3 всего населения, начиная от младенцев и заканчивая глубокими стариками. С учетом лиц, располагающих уже сегодня многократными шенгенскими визами, можно смело утверждать, что посещение зарубежных стран является актуальным для 60% жителей региона, что лишь подтверждает предельную остроту данного вопроса для Калининградской области.

В настоящее время существует потребность в активизации деятельности совместных структур, созданных ЕС и РФ для обсуждения различных аспектов взаимодействия. Нужно рассмотреть вопрос о создании Информационного бюро ЕС в Калининградской области с целью получения оперативных и объективных данных о положении дел в балтийском анклаве, консультационного сопровождения проектов уже на начальной стадии их подготовки. Определенный интерес вызывает предложение о заключении специального соглашения между ЕС и РФ по развитию Калининградской области. Оно может включать в себя рамочный договор и пакет специальных актов по различным аспектам. Такая конструкция позволяет не ожидать решения всех проблем, а организовать сотрудничество в режиме движения с различными скоростями, в зависимости от уровня готовности сторон к компромиссам в тех или иных конкретных вопросах.

Проф. д-р Геннадий В. Кретинин

Руководитель Балтийского информационно-аналитического центра РИСИ (Калининград, Россия)

ПРЕОДОЛЕВАТЬ УГРОЗЫ – УКРЕПЛЯТЬ ДОВЕРИЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Отношения между двумя военными блоками, тем более имеющими общие границы, должны быть уважительными, прозрачными, партнёрскими, вменяемыми, ибо альтернатива здесь – силовое противостояние.

НАТО и ОДКБ являются институтами, созданными для обслуживания структур международных отношений. Они являются основой региональных систем коллективной безопасности.

Хорошо известно, что на европейском континенте в послевоенный период международные отношения строились на началах противоборства двух «мировых систем». Инструментом противостояния были организации Североатлантического договора и Варшавского договора.

Тексты обоих договоров содержали конкретные обязательства по поддержанию мира и безопасности: воздержаться от угрозы силой или её применения, разрешать международные споры мирным путём. По мнению специалистов, речь в данном случае шла только об обязательствах в отношении участников этих договоров. Сами организации находились в состоянии «холодной войны».

Завершилась «холодная война», канула в Лету ОВД, перед Европой встала вновь задача по созданию системы коллективной безопасности.

Новая европейская архитектура коллективной безопасности и обороны изначально предполагала при своём создании привлечение усилий широкого круга государств, транснациональных, наднациональных и межнациональных блоков и различных блоков. Принятые впоследствии в рамках СБСЕ-ОБСЕ документы способствовали созданию новой формы отношений между европейскими государствами, основанной на совместных подходах к вопросам создания системы безопасности.

НАТО сохранился, предпринял усилие по реорганизации, своему расширению (как за счёт новых членов, так и военно-политических интересов).

Государства-члены Содружества независимых государств в 1992 г. в свою очередь заключили Договор о коллективной безопасности, в 2002 г. Преобразованную в Организацию Договора о коллективной безопасности.

По сообщениям информационных источников, российское руководство имело определённые планы на то, что в перспективе ОДКБ может стать противовесом НАТО. Изначально, ещё ДКБ был ориентирован на отражение традиционных военных угроз. Затем круг задач расширился и военная составляющая перестала быть доминирующей.

Аналитики отмечают, что в настоящее время ОДКБ заявляет о себе как о многофункциональной международной организации нового типа в сфере безопасности. В ней будут совмещаться задачи противодействия как традиционным (отражение военной агрессии против одного из членов ОДКБ), так и нетрадиционным внешним военным угрозам (борьба с наркотрафиком, незаконной миграцией, терроризмом и т.д.). Эта организация будет способствовать формированию новой архитектуры безопасности в Евразии.

Это весьма сложная задача, ибо Евразия включает в себя три субрегиона постсоветского пространства с разными угрозами безопасности. В частности в европейском субрегионе – это неопределённость, связанная с расширением НАТО и ЕС; на Кавказе – этнические конфликты, сепаратистские настроения, ведущие к межгосударственным конфликтам; в Центральной Азии – религиозный экстремизм, пограничные проблемы, наркотрафик, раздел водных и энергетических ресурсов.

Перечень явно не полный, но особенность его в том, что государства-члены ОДКБ пока не могут выработать более-менее чёткой общей концепции своего военного строительства. В этих условиях уровень сотрудничества и военно-политической интеграции явно не соответствует поставленным перед Организацией целям.

Российские исследователи отмечают активный поиск возможностей расширения отношений по линии ОДКБ – НАТО. В ОДКБ лидирующая роль принадлежит России, это понятно. Россия выступает за интеграционные процессы на территории бывшего СССР. Но в таком случае кардинальное сотрудничество России с альянсом не только будет дезориентировать государства-члены ОДКБ, но и затормозит интеграционные процессы на постсоветской территории.

Современный мир многообразен. Можно говорить о многих подходах к развитию интеграции в военно-политической сфере, о различных системах

безопасности, международных программах военного сотрудничества. Ясно одно: новые инициативы, действующие на постсоветском пространстве системы безопасности и программы международного военного сотрудничества свидетельствуют о том, что большинство государств пока не определилось ни с выбором партнёров, ни с собственной стратегией военно-политической интеграции.

На первом плане сегодня – поиск чёткой мотивации для развития отношений в рамках ОДКБ. Видимо здесь важнейшую роль должно сыграть формулирование ценностной ориентации.

По предпринимаемым в последнее время руководством ОДКБ, Россией шагам поиск таких ориентиров идёт. Можно предположить, что он завершится одновременно с выходом войск коалиции из Афганистана.

ОДКБ может полноценно приступить к совместной с НАТО, реализации концепции безопасности, которая явно меняет, точнее, расширяет своё содержание: сохранение мира и предотвращение конфликтов, расширяется и дополняется такими аспектами, как защита прав меньшинств, предотвращение геноцида, террористических атак, действий транснациональной организованной преступности и т.д.

Где в этих условиях найдётся место для стран «новой Восточной Европы» сказать весьма сложно. Полагаю, что здесь наиболее популярны два варианта: объединяться и создавать свою организацию или примыкать к одному из двух блоков. Причём реализация первого варианта лично у меня вызывает большие сомнения. Конечно, есть и ещё один вариант: внеблоковое существование. Он, кстати, также имеет своих сторонников и противников.

Д-р Лешек Квечиньски

Институт Международных Исследований, Вроцлавский Университет (Вроцлав, Польша)

СТРАТЕГИЯ РЕГИОНОВ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ – РЕГИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТ И НОВАЯ ПЛОСКОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В нынешние времена сфера политической власти подвержена динамичным и глубоким процессам дисперсии, как в структурном (субъектном), так и функциональном (объектном) измерении. Это имеет немаловажное значение, в особенности для аспектов, связанных с администрированием государства или региона. Здесь мы имеем дело с внедрением в политические и административные системы центрального и регионального уровня механизмов, связанных именно с администрированием, а не управлением. Данный процесс среди европейских государств формально определяется реализацией принципов Белой Книги *European governance* 2001 года, и, с другой стороны, органичными процессами регионализации, децентрализации, дерегуляции. Вследствие этих установок изменениям подвергаются именно механизмы и формы обеспечения конкурентоспособности государств и регионов на основе инструментов, которыми стали стратегии – как горизонтальные, так и секторные, как коротко-, как и средне- и долгосрочные.

Итак, мы имеем дело с ситуацией, когда политические руководители соучаствуют в процессе создания зачатков стратегической деятельности со следующими заинтересованными сторонами:

- *corporate governance* (частные предприятия, КТН),
- *civic governance* (социальные и гражданские партнёры, NGO's),
- *public governance* (организации международного уровня – МВФ, Всемирный Банк, организации уровня Евросоюза, организации регионального и местного уровня).

Вследствие этих процессов:

- государственные и частные субъекты функционируют в сфере дифференцированных правовых порядков, в которых принципиально изменяется значение демократического правового государства,
- появляется значение символической власти (доверие, репутация, участие, легитимизация), которая равна власти традиционной (силе государства),

- внутренняя эффективность государственных и частных субъектов, а также сфера символического властвования будут определять, какого типа действия, а следовательно, и стратегии, принимают эти субъекты, от адаптационных (имитационных) стратегий до предвосхищающих,
- вышеупомянутая стратегия будет, в свою очередь, определять темп и масштаб структурных и функциональных изменений и темп создания конкурентных преимуществ, с одной стороны, и достижения когерентности – с другой.

Следующую группу переменных, которые влияют на изменение отношений между центром и регионами, составляют горизонтальные принципы администрирования процессов развития, вытекающие из права ЕС, то есть принципа subsidiarity и принципа партнёрства (в том числе вертикального и горизонтального). И если принцип subsidiarity формально усиливает регионы, то в отношении принципа партнёрства становится заметным, в условиях польских правовых норм и имплементационной действительности, явление асимметричного вертикального партнёрства за счёт партнёрства горизонтального. В конечном итоге это ослабляет регион и усиливает центр, как государственный, так и евросоюзный. Каковы причины такого рода положения применительно к польской ситуации?

Во-первых, они вытекают из правовых норм, содержащихся в законе о ведении политики развития. Ведь формирование и мониторинг долго- и средневременных, а также секторных стратегий относится к сферам решений, принимаемых на центральном уровне, в том числе главным образом – Советом Министров, а следовательно – является элементом партийной политики, а не стратегической мысли.

Во-вторых, роль регионов в области процессов администрирования и европеизации ограничивается только оценочной и консультативной функцией. На правительственном уровне нет комитета, который представлял бы их интересы, кроме того, Совместная Комиссия Правительства и Территориального Самоуправления является именно таким мягким инструментом консультаций, а не реального воздействия на государственную политику.

В-третьих, в Польше заметна незавершенность процесса субъективизации регионов. Из четырёх упоминаемых в тематической литературе (например, P. Bourdieu, A. Passi) фаз субъективизации регионов, то есть территориальной фазы, символической фазы, фазы институционализации и фазы полной

институционализации, выпала символическая фаза, в которой важнейшую роль играет культурный и реляционный капитал, а это приводит к невозможности построения полной институционализации.

Наконец, в-четвёртых, процесс европеизации в польских условиях подчинён количественной, а не качественной логике, а потому в большей степени функционален, нежели целесообразен. Это приводит к примитивизации/механичности процессов формирования стратегической политики государства. Мы имеем дело со своего рода структурным насилием, исходящим с субнационального уровня. Кажется, слишком быстро мы отказались от углубления процессов трансформации, и вместе с тем слишком быстро заменили их модернизационными процессами.

Вследствие действия вышеупомянутых факторов заметны следующие явления:

- низкая эффективность государства и показателей эффективности управления, отмечаемая в рейтингах ВЭФ и Всемирного Банка,
- низкая способность и уровень участия частных (негосударственных) субъектов в процессах управления развитием страны и региона, выражающаяся в т. наз. парадоксе двойной слабости,
- в европейской политике доминирует принудительный и миметический изоморфизм вместо нормативного, например, мониторинг стратегии – это мониторинг затрат и показателей операционных программ, а не реальных общественных процессов,
- заметна низкая состоятельность регионов в области внешней интеррегиональной политики, casus ЕГТС или Региона Одры,
- отсутствие либо ничтожное количество государственных и частных *think-tank'ов* на региональном уровне, занимающихся вопросом стратегического администрирования, планирования. Региональные власти в таких организациях не нуждаются, так как им всё равно негде эти организации использовать. Стратегические документы разрабатываются и обсуждаются с «дежурными дискуссионными группами». В результате это приводит к их примитивизации, формальному и поверхностному диагностированию ситуации.

Изменение вышеописанной ситуации требует предприятия как формальных (правовых), так и неформальных (общественно-диагностических) действий. К сфере формальных действий можно отнести:

- усиление Совместной Комиссии Правительства и Территориального Самоуправления в сфере реального влияния на правительственную политику в области европейских мероприятий (европейской политики), регионы – как партнёр, а не дискуссионный клуб,
- усиление голоса регионов в вопросах разработки среднесрочных и секторных стратегий,
- введение правительственно-самоуправленческих пактов программирования политики развития,
- создание аналитического центра администрирования государства, но не правительственного, так как следует иметь в виду принцип дисконтинуитета,
- инструменты координации региональных и секторных стратегий,
- отчёты правительства в области стратегического администрирования политики регионального развития,

К задачам в неформальной (органичной) сфере, в свою очередь, можно отнести:

- подготовку аналитиков региональных и государственных стратегий в рамках последиplomного обучения,
- повышение значения европейской политики путём организации *think-tank*'ов,
- культура консенсуса вместо конфронтации в европейских делах,
- просвещение, связанное с развитием идентичности региона.

Ярослав Матийчик

Исполнительный директор ООО «Группа стратегических исследований и исследований в области безопасности»

Председатель Комитета по вопросам регионального сотрудничества и политики безопасности Общественного совета МИД Украины (Киев, Украина)

**РЕАЛИИ ОТНОШЕНИЙ ЕВРОСОЮЗ – ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА:
ИМИТАЦИЯ, ЛУКАВСТВО И ПОХОРОНЫ ИНТЕГРАЦИИ?**

Многим из читателей, по крайней мере, представителям Украины, известно творчество современной украинской писательницы Наталии Кононенко. В частности, ее детективный роман «Имитация». В этом художественном произведении, автор описывает реалии гражданского общества середины 90-тых годов в Украине, иронично характеризуя их как «имитацию». Может показаться странным, что докладчик обратился к этому произведению, но как мне кажется, оно актуально и поныне.

В частности, если экстраполировать его на внешнюю политику Европейского Союза. Ведь, до Большого расширения, внешняя политика Европейского Союза, собственно, понятием расширения и ограничивалась. Сама по себе идея была универсальной – на первых порах казалось, что расширяться можно до бесконечности. По крайней мере, в пределах, в которых об этом мыслили отцы основатели Европейского Союза. Но, как оказалось, совершенство не имеет пределов. Собственно, как и расширение Евросоюза в глазах отцов-основателей. Совсем другое дело – нынешние лидеры ЕС. Ощувив весь груз включения в состав Евросоюза стран, которые не в полной мере соответствуют «староевропейским стандартам», накладывают на благополучных жителей «старой» Европы дополнительное бремя и ведут к необходимости сокращать социальное обеспечение, – лидеры Евросоюза задались вопросом: так ли уж обосновано и необходимо дальнейшее расширение? Стоит ли возрастание геополитического веса ЕС утраты нынешнего уровня социальных и экономических благ? Если раньше была распространена мысль, что Евросоюз не может быть малым, средним, а только великим геополитическим и геоэкономическим образованием, – потому как только так виделась его историческая перспектива, – то теперь наблюдения указывают на некий секвестр таких представлений и устремлений. Сейчас в императивах развития ЕС ходит не «расширение», а «реконструкция». Как следствие, ныне многие ведущие политики

Евросоюза сознательно подчеркивают, что их морально-этические обязательства ограничиваются сейчас только Хорватией и процесс расширения на краткосрочную и даже более того – среднесрочную перспективу – завершен.

На фоне таких событий возникает вопрос – что же происходит с внешней политикой Европейского Союза? Что заменило идею «вечного» расширения? Что может представить миру в качестве внешней политики один из основных центров геополитики – Евросоюз? И вот тут мы возвращаемся к вопросу об имитации. Такой, своего рода имитацией внешней политики, стала политика Европейского соседства.

Сам по себе этот конструкт уже по своей сути был имитацией. Несмотря на тезисы о том, что политика соседства теперь стала канвой внешней политики ЕС, многим экспертам было понятно, что «Политика соседства» является в основном лишь красивой декларацией и рассчитывать на то, что она может охватить Алжир и Украину, Ливию и Беларусь, Марокко и Израиль не приходится.

Надо отдать должное государствам, которые в своей внешней политике все еще руководствуются идеалистичными, а не реалистичными установками, а потому чувствительны к лицемерию Брюсселя. В нашем случае такими государствами стали Польша и Швеция. Наверное, для Варшавы и Стокгольма очевидным было то, что «Политика соседства» всего лишь имитирует внешнюю политику ЕС, не отвечает ожиданиям стран Восточной Европы, ведет всего лишь к сохранению статус-кво на границах Европейского Союза. Именно потому эти два государства выступили с инициативой скрасить сугубо синтетический конструкт Европейского соседства элементами «надежды на Европейскую интеграцию». Именно указанные государства выступили с Инициативой Восточного партнерства.

Вначале идея «Восточного партнерства» казалась утопичной. Собственно – несмотря на роль и удельный вес в экономике Евросоюза, Швеция и Польша являются всего лишь одними из составляющих двигателя ЕС и соответственно, к их идеям прислушиваются, но не более. Однако, идея оказалась настолько яркой, что даже локомотив ЕС – Германия – поддержала этот порыв. Чем руководствовались Берлин и Брюссель – непонятно? Быть может, они рассчитывали на чудо: надеялись, что идея Восточного партнерства объединит Восточную Европу и Россию в приверженности европейским ценностям? А, с другой стороны, быть может – на то, что Восточное партнерство окажется очередной

псевдополитической имитацией, которую проглотят наивные «осты» и которая со временем затеряется в лабиринтах Брюссельской бюрократии? Ответ на этот вопрос со временем дадут историки. Однако непреложным фактом является то, что идея сработала. Пусть не для Российской Федерации, которая в штыки восприняла Восточное партнерство и отказалась от участия в этой инициативе, но, по крайней мере, для трех стран, которые стали театром действий новейших «демократических революций»: «революции роз» в Грузии, «оранжевой» революции в Украине и «твиттер»-революции в Молдове.

С одной стороны, элиты стран Восточного партнерства скептически отнеслись к предложению Евросоюза. Например, в Украине бывший министр иностранных дел, а после этого глава парламентского комитета по вопросам европейской интеграции Борис Тарасюк неоднократно подчеркивал, что бюджет Восточного партнерства не превышает бюджета интеграционных программ ЕС с Турцией и в этой связи выражал свой скепсис по поводу инициативы ЕС.

В то же время гражданское общество стран Восточного партнерства восприняло предложение Польши и Швеции поддержанное «европейскими гигантами» с энтузиазмом. Многие лидеры гражданского общества Украины вступали с тем же Б. Тарасюком в полемику. Им казалось, что Восточное партнерство может стать шансом на нечто более обнадеживающее, чем аморфная и абстрактная «Политика соседства».

Ярким примером того, что Восточное партнерство было воспринято позитивно, стало то, что, в какой то мере, среди стран, которые провозгласили приоритетом Европейскую интеграцию, по крайней мере, на уровне гражданского общества, даже возникла конкуренция за право называть свою страну лидером Восточного партнерства.

Прежде всего, такую роль по праву играла Грузия – лидер в вопросе демократических и экономических преобразований. Затем – первенство перешло к Украине – самому большому с точки зрения геополитического, экономического и, в конце концов, демографического потенциала члена партнерства. Сейчас лидером, ввиду сложившихся в Украине политических обстоятельств, называют Молдову – по этому поводу даже с горечью отзываются такие известные украинские эксперты как Александр Сушко. И, пускай, мы не разделяем этой горечи, а скорее радуемся за наших юго-западных соседей – факт остается фактом: битва за первенство

будоражит, вызывает азарт и интерес, а, стало быть, и на кону участия в этой символической гонке находится нечто большее, нежели имитация – нечто такое, что выглядит как достойный приз в обозримом будущем.

А сейчас, с Вашего позволения, я позволю себе некоторые спекуляции связанные с теорией конспирологии. В частности, позволю себе предположить, что такой поворот событий не всех в ЕС устраивает. Далеко не всем представителям «традиционных демократий» по нраву то, что члены Восточного партнерства состязаются за право быть «лучшим среди первых», за право достичь той высоты, с которой Брюссельское «нет» европейской перспективе будет казаться вопиющей несправедливостью.

Что же предлагают эти упомянутые мною «некоторые»? С прискорбием должен отметить, что они пытаются привнести новые элементы имитации. Определенные основания для такого подозрения дает своеобразие трактования примата «достойного управления» – т.н. good governance. В теории, как и многие концепты предлагаемые нам со стороны ЕС, такое вот управление подразумевает соответствие европейским стандартам. В частности, предлагая этот концепт своим восточным партнерам, «брюссельские небожители» подразумевают, что их соседи в Восточной Европе будут руководствоваться принципами «участия», – где общины, местные товарищества: имеют право участвовать в принятии решений; имеют право претендовать на прозрачность решений (это по-сути принцип транспарентности); и имеют основания, в том числе и правовые, для того, чтобы требовать подотчетности властимущих (это принцип подотчетности). Пусть возразят мне присутствующие здесь коллеги, но далеко не всегда эти принципы соответствуют реальности в странах Восточного партнерства. Во многих случаях они подменяются политикой «эффективного управления» – политикой, когда все вышеуказанные три принципа заменяются возможностью внедрения политики на местах «без лишних вопросов». Соответствует ли это цели, которой пытаются достигнуть представители Европы – цели приближения стран Восточного партнерства к европейским стандартам? И да, и нет. Модернизация и реформы невозможны без волевых решений, но разве отраслевые реформы в обмен на демократию это то, к чему стремилось гражданское общество стран Восточного партнерства? Разве может считаться реформированием внедрение определенных принципов под страхом авторитарной расправы? Это уже вопрос не к присутствующим. Это, скорее, риторический вопрос.

Еще более подпадает под описание имитации характер отношений ЕС с Россией. Как уже упоминалось, Российская Федерация сочла малоинтересной и даже вредительской идею Восточного партнерства. Вероятно, сказался неприятный осадок от попыток создания Киевом проамериканского ГУАМа, и в этой связи Москва с подозрением отнеслась к аналогичным поползновениям со стороны Брюсселя, коим показалось Кремлю Восточное партнерство.

Вместе с тем, оставлять Россию на обочине процессов сотрудничества с ЕС было бы совершенно не по-европейски. Во-первых, потому что до сих пор в Брюсселе теоретики международных отношений убеждены, что без вовлечения России в европейские дела проект построения Общеввропейского Дома не состоится. Во-вторых, потому что практики международных отношений вынуждены прислушиваться к дипломатическим сообщениям энергетических и военных стратегов Кремля.

Очевидно, что ответом на данные обстоятельства стала инициатива Европейского Союза «Партнерство для модернизации». На саммите в Ростове-на-Дону в июне 2010 г. лидерами России и ЕС было подписано совместное заявление по «Партнерству для модернизации». Документ устанавливает приоритеты и охватывает вопросы интенсификации сотрудничества в интересах модернизации между Россией и Евросоюзом. И хотя для Евросоюза главным приоритетом в рамках такого партнерства стали, так называемые отраслевые диалоги, для России Партнерство для модернизации стало поводом говорить о том, что сотрудничество с Европой постепенно выходит за экономические рамки. Российская сторона апеллирует к схожести образа жизни и ментальности ЕС и РФ, ставит ударение на многовекторности сотрудничества: в культурном, научно-техническом, и, разумеется, экономическом его измерениях.

Вместе с тем, в данном случае имитацией занимаются как Брюссель, так и Москва. Для лидеров Евросоюза Партнерство стало попыткой достичь «эффекта перетекания», когда отраслевое сотрудничество с высокой вероятностью перетечет в сотрудничество политическое, хотя все прекрасно понимают, что нового Европейского объединения угля и стали из этого партнерства никогда не выйдет. С другой стороны, Москва с удовольствием приобщается к «благам», вытекающим из Партнерства, но вместе с тем, параллельно, работает над своим интеграционным проектом – созданием Евразийского Союза.

Стоит ли за этой игрой, что-то более весомое? Пока не совсем понятно. Разве что можно сказать, что демонстративное развитие евросоюзно-российского «романа» ведет к ослаблению трансатлантического диалога и вытеснения США из европейских дел. Угадываются признаки возникновения неформального, но фактического и латентного стратегического т.н. «конструктивного союза» решающего вопрос о распределении геополитических «зон ответственности». Кстати, на вероятность риска такого развития событий, докладчик посредством журнала «Европа» обращал внимание еще лет десять тому назад. Возможно, именно с формированием «конструктивного союза» ЕС-РФ как раз связано возникновение Политики Соседства ЕС (в 2004 г.), обструкция идеи создания «Энергетического НАТО» (в 2007 г.), бухарестский провал предоставления Украине «МАР» НАТО (в 2008 г.)

В любом случае, по поводу перспективы сотрудничества и интеграции в ЕС можно сказать, что нынешних двух- и многосторонних форматов вполне хватает, надо только «научиться ими пользоваться». Открытие дополнительных площадок не придаст чего либо существенного ни к тому перечню вопросов, который имеется, ни к инструментарию их решения.

О проблемах и возможностях интеграции Украины в ЕС сказано много, но я хочу обратить внимание еще на одно обстоятельство. Если Украина самостоятельно (по угадываемому примеру Турции) – без участия со стороны ЕС – решит вопросы обеспечения политического, экономического и социального прогресса, вопросы обеспечения национальной безопасности и исторической перспективы, то риск потери Киевом интереса к развитию стратегического партнерства и интеграции в ЕС возрастет весьма существенно. Если, конечно, это не является настоящей политической целью нынешнего истеблишмента ЕС.

Для более адекватного понимания перспективы развития двухсторонних отношений Украины с государствами Евросоюза, перспективы развития стратегического партнерства и политики интеграции в ЕС, нужно обратить внимание на несколько важных обстоятельств нынешнего положения дел в Украине и на некоторые особенности/странности в линии поведения ЕС. Первое, что нужно принимать во внимание при оценке сложившейся ситуации в Украине, это то, что приход к власти заведомо про-авторитарного В. Януковича был обусловлен, – или другими словами – стал ответом на провальную, в общественном восприятии,

государственную политику «Оранжевой команды» В. Ющенко. Голосуя за «твердую руку» в лице В. Януковича, украинская общественность не утратила своей приверженности либерально-демократическим и гуманистическим ценностям, и всецело разделяет их с другими народами Европы. Она только признала на то время уже состоявшееся политическое банкротство «Оранжевой команды» и возмутилась предательством ее лидера, но отнюдь не забыла и не отказалась от политических завоеваний «Оранжевой революции». Итоги последних парламентских выборов в Украине, являются тому подтверждением. Украинцы, также, сделали свой цивилизационный и геополитический выбор – коим является Евросоюз, как выразитель идеи построения свободного «Общеввропейского Дома»: за, разве что, редким исключением в Украине можно услышать, что-нибудь противное «европейскому выбору».

Второе важное обстоятельство. Евроинтеграторам ЕС, если они в действительности такими являются, «не следует быть более набожными, чем Папа Римский»: я это к тому, что, – вот например, – не надо защищать лидера украинской оппозиции Ю. Тимошенко настолько истово, чтобы это «становилось» преградой для развития отношений Украина-ЕС. Тем более, что сама фигурантка евросоюзно-украинского спора неоднократно обращала на это внимание евросоюзной стороны. Чем дальше, тем больше создающиеся преграды отсвечивают светом лукавства, фальши и, в конце концов, предательства. Взять бы хотя бы, распространенную практику консульской дискриминации украинцев (если не издевательства), многочисленных случаев предвзятого и возмутительного обращения с украинцами миграционных и полицейских служб стран ЕС, чувствующегося прироста неуважительного, снобистского (надо еще благодарить, что не публичного) отношения к Украине в политической, экспертной среде ЕС.

Третье. Украина переживает исторический период олигархии. Это плохо, это экстенсивно или даже неэффективно с точки зрения развития. Но это факт. И с этим явлением-состоянием ничего мудреного без общественных потрясений поделаться нельзя. Тут или применять инструмент социально-политической революции (с заведомо известными «издержками») или вяло переживать эволюцию. Я сторонник эволюционного выбора, в частности – потому, что сложившаяся в Украине «авторитарная олигархия» это все-таки не тирания, не тоталитаризм, и даже не диктатура, – в принципе, – ничем не лучше и не хуже, чем «либеральная анархия»

времен В. Ющенко. Как весьма аргументировано на страницах влиятельной «Украинской недели» утверждает известный украинский экономист В. Лановой, и как, собственно, доказывает исторический опыт, украинская (как и любая другая) олигархия в среднесрочной перспективе обречена. Потому нужно очень серьезно задуматься: будет ли оправданной тогда скорая революционная жертва многих жизней экзальтированных украинцев «выигранным» временем? А также: не приведет ли это к всплеску инспирированного сепаратизма и не создаст ли, не спровоцирует ли это «оправданную» (во имя «русского мира») «гуманитарную» интервенцию со стороны Москвы (с потерей для Киева, в последствии, государственного суверенитета)? К тому же, олигархические признаки политико-экономического состояния Румынии не стали преградой ее евроинтеграции, как и весьма уютное и длительное пребывание в составе Евросоюза проолигархической Италии и Греции.

И последнее. В последнее время появилось много замечаний – укоров – касательного того, что, дескать, в Украине отсутствует консенсус относительно «европейского выбора». Ранее, я уже касался этого вопроса, но следует обратить внимание еще раз на некоторую спекулятивность такой претензии, ведь: так уж ли важно каковым является количество украинского большинства сторонников европейской интеграции?, – 51 % или 99 % – главное, что такое большинство сложилось, состоялось. Поэтому, в Украине никакой серьезной дискуссии по поводу европейской интеграции не ведется – для этого нет необходимости.

Но, – об этом я уже говорил, – наблюдается достаточно зримое взаимное подыгрывание Киева и Брюсселя по поводу создания «непреодолимых препятствий» интеграции Украины в Евросоюз. Согласитесь – такое противоречивое явление весьма странно. Его можно объяснить, разве что тем, что заинтересованность в этом Киева инспирируется весьма влиятельной «русской партией» украинского истеблишмента, а заинтересованность Брюсселя – партией евроскептиков – апологетов «финализации расширения» ЕС. Последняя политическая группа также находит активную поддержку из среды европейских русофилов, которые указывают на необходимость учета геополитических интересов и исторических сантиментов Москвы относительно т.н. «славянского пространства» Восточной Европы, где она развивает неоимперскую политику не то «евразийского союза», не то «русского мира».

Проф. д-р Мачей Мруз

Заведующий Сектором внешней политики РП, Институт Международных Исследований, Вроцлавский Университет (Вроцлав, Польша)

МЕЖДУ ВОСТОЧНЫМ ПАРТНЁРСТВОМ И ПАРТНЁРСТВОМ ВО ИМЯ МОДЕРНИЗАЦИИ – В ПОИСКАХ НОВОЙ ФОРМУЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К УКРАИНЕ.

Приходящаяся на этот год двадцать первая годовщина признания Польшей независимости Украины и без малого четырёхлетний срок функционирования программы Восточного партнёрства позволяет с более широкой, чем до сих пор, перспективы проанализировать реализуемый в его рамках сегмент польской политики в отношении стратегически важного для Варшавы партнёра на востоке. В период функционирования программы Восточного партнёрства, польская дипломатия только в начальной фазе внедрения этого польско-шведского проекта **добилась эффекта приумножения силы влияния польской восточной политики, в том числе относительно Украины, но уже вскоре она оказалась в положении временного приостановления, а точнее – стагнации.** На неё повлияла и эскалация политической ситуации в Украине и связанное с ней, в рамках реторсии, замедление переговоров об ассоциации с Евросоюзом, и, более того – инициатива Европейского Союза и цели программы Восточного партнёрства драматично столкнулись с геополитической действительностью Центральной и Восточной Европы и Южного Кавказа, где развитие демократии, гражданских институтов и свободного рынка застряли на мёртвой точке. К тому же сам Европейский Союз постепенно терял интерес к реализации польско-шведской инициативы, что полностью подтвердили результаты саммита Восточного партнёрства в Варшаве в сентябре 2011 года.

Анализируя ход и результаты саммита в Варшаве в сентябре 2011 г., который в принятой декларации определил направления дальнейшего развития этой инициативы, несомненно, нельзя признать его полностью удачным и удовлетворяющим государства Евросоюза и страны-партнёры. Принятые на саммите решения концентрировались в большей мере на совершенствовании функционирования уже существующих механизмов Восточного партнёрства, чем на новых предложениях, адресуемых странам-партнёрам. *Pro foro externo* большинство государств-членов Евросоюза, участвовавших в варшавской встрече,

демонстрировали заметную сдержанность и нежелание углубления политического сотрудничества. Этот скептицизм вызван отсутствием реального прогресса в демократизации и экономических реформах в государствах-партнёрах, к тому же, сами ведущие государства Европейского Союза не имеют ни политической воли, ни чёткого видения развития отношений с восточными соседями в долгосрочной перспективе. В сложившейся ситуации реализуемая стратегия сосредоточивается на разовых и среднесрочных действиях, к тому же, она является производной интересов всех 27 членов ЕС, для части из которых Восточная Европа имеет периферийный характер, и они не заинтересованы в значительном углублении политических отношений, скажем, с Киевом. Определённым *novum* было сделанное в Варшаве заявление об интенсификации диалога и сотрудничества в сфере безопасности, которое предусматривает, в частности, возможность участия государств-партнёров в гражданских и военных миссиях Евросоюза. Поднятие этой проблематики на саммите в Варшаве убедительно свидетельствует о значении, придаваемом странами-членами ЕС политической стабилизации региона и исключению потенциальных угроз. Значительные сомнения вызывает чрезмерное количество приоритетов, заключённых в варшавской декларации, ассоциирующихся с языком евросоюзной бюрократии, не везде достаточно чётко определённых, что размывает общую картину и порождает обоснованные подозрения в превалировании формы над содержанием, не стимулируя, в то же время, к их эффективному внедрению. К активам следует отнести декларацию, предусматривающую, что до конца 2011 года Высокий Представитель и Европейская Комиссия должны были разработать дорожную карту Восточного партнёрства, определяющую приоритеты, инструменты и действия, которые будут реализовываться до следующего саммита в 2013 году. Рассматривая польско-шведскую инициативу с перспективы неполных четырёх лет, следует констатировать, что она достигла, с учётом бюрократических реалий Европейского Союза, ограниченного успеха, особенно на фоне создания структур сотрудничества с южным соседством.

Саммит Восточного Партнёрства, состоявшийся 29-30 сентября 2011 г. В Варшаве, показал как новые возможности, так и потенциальные угрозы дальнейшему развитию польско-украинских отношений. Республика Польша, будучи, наряду с Королевством Швеции, одним из инициаторов программы,

по очевидным соображениям геополитической природы была и остаётся особо заинтересованной в успехе этого начинания Европейского Союза. Варшава, столь активно включаясь, помимо критики с разных сторон, в программу Восточного партнёрства, рассчитывает по крайней мере на частичный, возможно, даже половинчатый успех инициативы, особенно в отношении Украины, Молдовы и Грузии, который с помощью и при посредничестве Польши сделает возможным в этих странах ускорение демократических реформ, экономической трансформации и дальнейшего развития гражданского общества¹. Как нам кажется, лучшим путём к новому этапу в польско-украинских отношениях, а также оптимизации целей, намеченных в Восточном партнёрстве, должна быть чётко выражаемая польская поддержка реформ, углубляющих европейскую интеграцию, которые делают возможной реализацию общей внешней политики и политики в сфере безопасности сообщества. Принятие Конституционного договора создаёт польской дипломатии исключительный шанс участия в создании новых структур, ответственных за политику, в том числе восточную, Евросоюза, и, самое важное, насколько это возможно – корреляцию польских стратегических интересов на востоке с основными направлениями европейской политики. Для реализации данной цели польской внешней политики ключевым является принятие принципа, что именно Евросоюз является и будет оставаться впредь основным инструментом влияния, основным политическим элементом, который мы можем использовать для широко понимаемого сближения Украины и остальных пяти государств, включенных в Восточное партнёрство, с европейскими структурами, а в дальнейшем, возможно – и с НАТО.

Несомненно, программа Восточного партнёрства привела в определённых сегментах в экономической и, в меньшей мере, в политической плоскости к укреплению связей стран-партнёров с Европейским Союзом. Сама польско-шведская инициатива повлекла за собой значительное увеличение значения региона Восточной Европы в повестке дня политики ЕС, усилила не только *de facto*, но и *de iure* чувство совместной ответственности Европейского Союза за весь континент и принесла декларацию увеличения политической и экономической активности Брюсселя в данном регионе. С точки зрения интересов Польши и дальнейшего развития

¹ J. Piekło, *Wschodnie partnerstwo jagiellońskie* [w] „Nowa Europa Wschodnia”, Nr 1 (XV), Wrocław 2011, s. 91-92. Cp. P. Świeboda, *Partnerstwo Wschodnie umarło, niech żyje Partnerstwo Wschodnie!*, [w:] ibidem, №2 (XVI), Wrocław 2011, s. 197-202.

польско-украинских отношений, ключевое значение имеет вопрос подписания с правительством в Киеве договора об ассоциации с ЕС и об экономической интеграции, в соответствии с предложением, сформулированным в Праге в мае 2009 г., которое было запланировано осуществить – как оказалось, слишком оптимистично – ещё в период польского председательства в Совете Европейского Союза. На саммите ЕС-Украина в Киеве 19 декабря 2011 г. Председатель Европейского Совета Герман Ван Ромпёй заявил, что подписание договора об ассоциации с Украиной будет зависеть от политических обстоятельств, среди которых, в частности, соблюдение европейских ценностей и принципов правового государства, независимого судопроизводства и политически немотивированных решений суда, и, наконец, проведение свободных выборов.

Наконец, 30 марта 2012 г. Представители ЕС и Украины парафировали насчитывающий более тысячи страниц договор об ассоциации, завершая тем самым длящиеся с 2007 г. переговоры². Хотя переговоры по вопросу договора об ассоциации были завершены и договор был парафирован, в связи с риторическими Евросоюза, вызванными, в частности, преследованиями украинскими властями оппозиции, дата подписания и ратификации документа остаётся неопределённой, а ЕС её откладывает в связи с ухудшением положения с соблюдением прав в Украине, в том числе, с политически мотивированным – по оценке Брюсселя – осуждением в прошлом году бывшего премьера и лидера оппозиции Юлии Тимошенко³. Между тем Российская Федерация подготовила альтернативное программе Восточного партнёрства предложение таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном, и планирует также введение заградительных пошлин на украинские продукты, что имеет для Киева

² Договор об Ассоциации (Association Agreement) между ЕС и Украиной является первым из нового поколения договоров об ассоциации, о которых ЕС ведёт переговоры с партнёрами. Документ предлагает обеим сторонам беспрецедентный уровень интеграции и обязывает Киев ввести значительную часть т. наз. *acquis communautaire*. Неотъемлемой частью договора об ассоциации является установление полной и всеобъемлющей зоны свободной торговли между Украиной и ЕС (Deep and Comprehensive Free Trade Agreement), что предполагает не только либерализацию тарифов, но и предусматривает постепенное открытие рынков для движения товаров, капитала и деловой активности. Договор включает также сотрудничество в сфере правосудия, свободы и безопасности.

³ Со стороны ЕС договор парафировал главный переговорщик и директор по делам России, Восточного Соседства и Западных Балкан в Европейской Службе Внешнеполитической Деятельности Мирослав Лайчак, а с украинской стороны – главный украинский переговорщик, заместитель министра иностранных дел Павел Климкин. Для вступления в силу обсуждаемого с марта 2007 года документа необходимо подписание договора и его ратификация парламентом Украины, Европейским Парламентом и парламентами 27 государств ЕС.

принципиальное значение, так как главным торговым партнёром для Киева является Москва, а не Европейский Союз.

Ратификация договора об ассоциации зависит, прежде всего, от политической воли Брюсселя, то есть от того, продемонстрирует ли Европейский Союз политическую *désintéressement* в вопросе дальнейших политических методов, применяемых к политическим противникам, и их судеб, и сделает ли более амбициозные предложения в сфере торговли, а также сформулирует ли, в свою очередь, Украина свои политические цели таким образом, чтобы среди них оказалась и интеграция с общим европейским рынком, связанная с необходимостью несения Киевом издержек адаптации⁴. Нам кажется, что, независимо от того, будет ли во время нынешнего, кипрского председательства в ЕС ратифицировано соглашение об ассоциации с Украиной, программа Восточного партнёрства должна в дальнейшем менее концентрироваться на достижении разового, даже эффективного результата, а в больше мере – на структурных изменениях, которые в долговременной перспективе определяют фактическую, а не только декларативную принадлежность государств, охваченных действием программы, к системе западных ценностей в области прав и свобод, в том числе экономических. Таким образом, только реализация в рамках Восточного партнёрства обоих его важнейших аспектов, то есть экономической и политической интеграции, а также свободного передвижения людей, и затрагивание вопросов первоочередной значимости для государств региона даёт шанс на установление стойких связей стран, включенных в польско-шведскую инициативу, с европейским культурным и цивилизационным кругом. Эффективность Восточного партнёрства должна и будет влиять на доверие к Евросоюзу, как среди государств-партнёров, так и шире – во всём международном сообществе. Поэтому, если Брюссель не сможет эффективно действовать на границах Европейского Союза, в данном случае – на восточном направлении, будет подорван его авторитет как потенциального глобального игрока в динамично меняющемся мире. Для Польши же успех данной инициативы был бы подтверждением правильности выбранного направления, выражающегося в инициативе восточного

⁴ Доказательством неприоритетного трактования украинскими властями вопроса интеграции с Европейским Союзом были произведённые недавно институциональные изменения – в частности, Координационное Бюро Европейской и Евроатлантической Интеграции было преобразовано в Координационное Бюро Европейской Интеграции и лишено значительного количества штатных единиц, а впоследствии, преобразовано в Департамент Европейской Интеграции с ограниченными компетенциями.

партнёрства – первой польской инициативы в Европейском Союзе, профессионально подготовленной и эффективно реализованной на европейской арене. В контексте польско-украинских отношений нетрудно заметить, что Украина связывала большие надежды с польским председательством в Совете Европейского Союза, однако традиционная роль Варшавы как адвоката Киева, а также польские амбиции, связанные с председательством и Восточным партнёрством, столкнулись с нежеланием самой Украины принимать европейские правила игры, а роль адвоката, несмотря на высокую эластичность польских властей, оказалась чрезвычайно трудной. Украинские политические элиты по-прежнему не проявляют воли к проведению глубоких реформ, не могут порвать с наследием прошлого и начать мыслить в категориях украинских государственных интересов, а даже наоборот – усматривают свой и государственный интерес в сохранении *status quo*. К тому же, сама идея европейской интеграции не находит подтверждения в ментальных изменениях широких кругов украинского общества, а тем более в социальных, экономических и политических реформах, оставаясь в сфере оторванных от действительности заветов и обрядов.

Большинство предложений, направляемых Украине в рамках Восточного партнёрства, разбивается о стену безразличия и непонимания их сути, за исключением надежды на отмену виз. Отсюда возникает вопрос, как убедить украинские элиты и с трудом формирующееся гражданское общество в выборе общего с Европой пути в политической и цивилизационной плоскости? Как нам кажется, единственным оставшимся аргументом, в том числе для польской дипломатии, является убеждение в необходимости европейской интеграции при одновременном осторожном представлении опасного для Украины сценария, то есть скатывания к авторитарному государству, сателлиту Российской Федерации. Глядя с перспективы не только польско-украинских отношений, а шире – через призму всей программы Восточного партнёрства, несмотря на пробуждённые в некоторых странах Евросоюза надежды, оно не оказалось достаточно эффективным стимулом для процессов демократизации, о чём свидетельствует не только напряжённая ситуация в Азербайджане, нарушение гражданских прав в Беларуси или преследования оппозиции в Украине. Определённо наибольшая критика эффективности программы Восточного партнёрства касается провала запуска хотя бы в ограниченном масштабе процессов модернизации, экономических реформ

структурного характера, принятия европейских стандартов в сфере гражданских прав и свобод, а также пробуждения государственнического и гражданского сознания. Представленная оценка касается – несмотря на ограниченное внедрение экономических реформ – также и Украины. Ход и результаты последних парламентских выборов, не говоря об оценке зарубежных наблюдателей, отметивших регресс в области соблюдения демократических стандартов, не принесли надежды на укрепление позиций сторонников евроатлантического выбора, а наоборот – консервируют иллюзорное убеждение в самодостаточности и – как следствие – мечты о продолжении политического балансирования между Москвой и Брюсселем.

Сергей Ф. Палагин

Директор общественного объединения «Центр изучения внешней политики и безопасности»
(Минск, Беларусь)

**ПРЕОДОЛЕВАТЬ УГРОЗЫ – УКРЕПЛЯТЬ ДОВЕРИЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КАК
ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ.**

На момент создания Североатлантический альянс был региональной организацией с четкой задачей коллективной обороны и защиты в случае возможного нападения СССР или других стран организации Варшавского договора на страны-члены НАТО. Все было просто – два антагонистических блока и ожидание войны между ними. После «гибели» СССР формально ожидался и роспуск НАТО, зачем такая организация в Западной Европе? Но неожиданно, новую жизнь в НАТО вдохнули бывшие государства Варшавского договора, заявив, что им необходимо организовать безопасность в рамках НАТО и модернизировать свои вооруженные силы. НАТО инициировало программу «Партнерство ради мира», куда вошли не только страны альянса, но и бывшие республики СССР, Варшавского договора и Югославии. В настоящее время НАТО из региональной организации превратилось в организацию глобальную. Действует от Ванкувера до Владивостока, везде, где есть сложные процессы трансформации.

ОДКБ заявляет о себе, как о дееспособном, мобильном военно-политическом блоке, созданном для надежного обеспечения экономической безопасности стран-участниц. Военно-политическое сотрудничество выстраивается вокруг проблем, связанных с новыми угрозами и вызовами, многие из которых не носят традиционного военного характера. В свою очередь это ведет к более широкому пониманию военно-политического сотрудничества. Важнейшими направлениями становится многостороннее противодействие угрозе международного терроризма, миротворчество и постконфликтное политическое урегулирование. Национальные подходы к военно-политическому сотрудничеству в рамках ОДКБ прошли эволюцию и в настоящее время в большинстве случаев составляют целостную систему взглядов, приоритетов и механизмов для достижения целей. Перспектива унификации национальных подходов в военно-политической сфере не только всех постсоветских государств, но и полноформатных участников СНГ, ровно как более узкой группы – ОДКБ – с целью более тесного многостороннего сотрудничества сейчас представляется

малореальной. Практически нет аспектов, которые объединили бы страны в узко понимаемой силовой сфере.

ОДКБ с момента создания ориентировались на полноценную международную правосубъектность. Организация активно включена в многосторонние отношения, что способствует ее международному признанию. Однако пока по линии ОДКБ – НАТО и ОДКБ – ЕС обмен мнениями ведется только по афганской проблематике. НАТО по причинам «целостно-идеологического» порядка дистанцируется от более тесных институционных отношений, предпочитая двустороннее взаимодействие со странами-членами ОДКБ.

Со стороны НАТО неоднократно высказывалось мнение о необходимости установления официальных отношений с ОДКБ, однако ничего не говорилось о сроках реализации данных решений. На данном этапе НАТО устраивает т.н. «неформальное» взаимодействия с ОДКБ, например, в части борьбы с наркотрафиком.

Каждое решение принимается в НАТО путем консенсуса. Почему его нет сейчас? Одним из факторов является то, что ОДКБ не смогло доказать свою эффективность и активную роль в регионе. Поэтому НАТО стремится к сотрудничеству не с ОДКБ, а с каждой отдельной страной, что хорошо получается. НАТО выдвигает условия сотрудничества, при которых все страны ОДКБ жертвуют двусторонними отношениями друг с другом в угоду сотрудничества с НАТО.

С учетом территориального положения Беларуси, на данном этапе НАТО заинтересовано в получении транзита из Европы в Афганистан, в том числе и через территорию Республики Беларусь, что имеет смысл только при наличии согласия Украины, РФ, Казахстана и Узбекистана. В контексте европейской безопасности взаимоотношений США, ЕС и НАТО после окончания «холодной войны» претерпели значительные изменения, однако неизменным фактором в решении вопросов безопасности в Европе с момента образования Североатлантического блока оставалась существенная роль США.

С развитием ЕС Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) основной линией выстраивания взаимодействия стало определение соответствующей европейской политики Атлантического альянса и налаживания двусторонних связей между союзами.

Долгое время после инициирования ЕПБО США преодолевали двойственное отношение к проведению независимой европейской политики. Поддерживая на словах

европейскую интеграцию, Вашингтон с подозрением относился к растущей роли ЕС в сфере безопасности, полагая, что это ослабит роль НАТО в регионе и подорвет американское влияние на европейском континенте. Изначально процесс развития ЕПБО характеризовался зависимостью действий Брюсселя от Вашингтона, но затем, на системном уровне, трансформировался во взаимозависимость.

Беларусь после обретения суверенитета не была энергетически безопасным государством и в ближайшем будущем ей трудно стать таковой. Это обусловлено отсутствием в достаточном количестве на ее территории ископаемых видов топлива, низкой степенью диверсификации импортируемых видов топлива по видам и поставщикам, слабым уровнем развития возобновляемых источников энергии.

Привилегированный доступ к российскому рынку со стороны промышленных и с/х экспортеров и импортеров энергии, выборочная поддержка предприятий и секторов с высоким уровнем госсобственности – факторы экономического роста Беларуси. Однако в настоящее время Беларусь подходит к периоду, когда увеличение продуктивности произойдет вследствие реформирования и технологической модернизации. Увеличение энергетической эффективности, возможно, является наиболее привлекательным путем стимулирования экономического роста.

Из анализа энергетической безопасности виден серьезный перекоп в сторону использования природного газа, в особенности в секторе производства электричества и тепла, что поднимает проблемы диверсификации первичных источников энергии для увеличения независимости от природного газа диверсификации поставщиков природного газа.

Беларусь обладает серьезным транзитным потенциалом, который может и должен использоваться в полной мере, в том числе и в политических целях. Недавняя продажа Белтрансага значительно снижает транзитный потенциал Республики Беларусь. Вызовами энергетической безопасности в настоящее время являются – повышение энергетической эффективности экономики, диверсификация источников первичной энергии с целью уменьшения использования природного газа, особенно в секторе производства электричества и тепла, диверсификация поставщиков энергии, обеспечение стабильной работы газо- и нефте- транспортных систем, снижение экологического влияния производства и потребления.

Основные тенденции - революция шельфового и сжиженного газа в Европе, запуск системы НордСтрим, возведение АЭС в Островце, поиск новых поставщиков

энергоносителей, снижение энергозависимости, снижение потребления газа, снижение импорта из РФ, загруженность транспортной системы, влияние на окружающую среду.

Снизить энергозависимость экономики возможно при установлении стандартов использования энергии, особенно в секторах с высоким потреблением энергии, разработать схему налогообложения за избыточное использование энергии для предприятий и населения, заменить устаревшее оборудование, модернизировать инфраструктуру транспорта электроэнергии.

В целях уменьшения импорта из РФ - ускорение проектов, способствующих снижению импорта энергоносителей из РФ (строительство АЭС в Островце, постройка газового терминала в Каунасе, поиск альтернативных импортеров). Проведение переговоров с Польшей и Украиной касательно разработки залежей шельфового газа, разработка программ эксплуатации угольного метана в консорциуме с Украиной, разработка программ эксплуатации биомассы, как альтернативы ископаемым энергоносителям.

Для усиления сегмента транспортной системы необходимо создание газотранспортного консорциума с Украиной с целью получения рычага влияния на РФ после запуска НордСтрима. В случае падения объемов транзита энергоносителей из России, разработать программу работы трубопроводов в реверсном режиме транспорта разжиженного газа.

Пристальное внимание необходимо обратить на аспекты охраны природы, для чего разработать программу по снижению влияния на окружающую среду, определить стандарты и схему налогообложения, юридически обосновать необходимость замены устаревшего оборудования.

Разработать программу образования населения с целью уменьшить страх перед использованием ядерной энергии. На ранних стадиях, изучить альтернативы утилизации отработанного ядерного топлива и подписать необходимые международные соглашения. Обеспечить соответствие проектной деятельности и строительства международным стандартам в сотрудничестве с ключевыми группами интересов.

Проф. д-р Григорий Перепелица

Институт Внешней Политики, Дипломатическая академия Украины при МИД Украины (Киев, Украина)

ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ, КОНФЛИКТЫ И УГРОЗЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ И ИМПЕРАТИВНЫЙ ПРОГНОЗ

Попытки построения «Большой Европы», а также общеевропейской системы безопасности на основе регионального принципа, как это сформулировано в Хартии европейской безопасности ОБСЕ, закончились неудачей. Вместо этого, путем расширения НАТО и ЕС была сформирована система евроатлантической безопасности, которая охватывает регион Северной Америки, Западной, Центральной и Восточной Европы. В структурном отношении она опирается на два института - НАТО и ЕС. Между этими структурами существует механизм взаимодействия и взаимозависимости с эффективным разделением функций и компетенции. Эта система наделена такими чертами, как независимость от внешней среды, идентификация общих внутренних и внешних угроз, а также наличие четкой внутренней иерархии приоритетов безопасности и обороны евроатлантического пространства. Система евроатлантической безопасности доказала свою эффективность, поскольку внутри ее обеспечивается высокий уровень безопасности благодаря взаимному доверию и взаимозависимости.

Страны, расположенные за пределами этой евроатлантической системы оказались в вакууме безопасности. На этой постсоветской части евроатлантического пространства Россия пытается организовать свой региональный комплекс безопасности вокруг таких структур, как ОДКБ и СНГ, деятельность которых подчинена интересам России. В данный комплекс входят конкретные страны с декларативным нейтралитетом или внеблоковым статусом. Его отличительными особенностями являются слабая структурированность, различное восприятие угроз, низкий уровень безопасности и взаимного доверия. Отношения внутри этого комплекса характеризуется, с одной стороны, ожиданием поддержки политических режимов и, с другой стороны, враждебностью, недоверием и подозрительностью в отношении России.

Между российским комплексом безопасности и евроатлантической системой безопасности есть несколько буферных зон, среди которых следует отметить Грузию, в определенной мере - Азербайджан и Молдова, и до недавнего времени Украину. После заключения Харьковских соглашений и принятия внеблокового статуса, Украину можно отнести к буферной зоне, принадлежащей к комплексу безопасности России. Положение этих зон определяется амбивалентным сочетанием дружбы и вражды или безразличием в отношениях к России, что не дает оснований однозначно оценивать эти отношения.

Страны, находящиеся в этой зоне принято называть «Новой Восточной Европой». Как отмечает известный российский политолог Аркадий Мошес, этот термин отражает главное: во-первых, образование сообщества, в котором "постсоветский" компонент идентичности постепенно заменяет "европейским" или "квази-европейским", а во-вторых, промежуточное, отдельное от России и от Запада геополитическое положение⁵.

Вакуум безопасности, образовавшийся в «Новой Восточной Европе», является следствием распада биполярной системы международных отношений. Поэтому этому региону присущи "жесткие" угрозы безопасности, такие как посягательство на независимость, потеря государственного суверенитета и территориальной целостности и другие традиционные угрозы. Наиболее дестабилизирующим фактором в этом регионе являются внутренние конфликты, связанные с ростом межэтнических противоречий и другими видами социальной напряженности.

Многие конфликты вызваны непропорциональным уровнем экономического развития отдельных регионов в рамках единого государства. Кроме того, межнациональная рознь является благоприятной почвой для многих серьезных социальных проблем. Среди них, проблема беженцев. Кроме того, возникают новые противоречия, порожденные непоследовательностью экономических и политических реформ, проводимых в большинстве стран "Новой Восточной Европы".

Основным конфликтогенным фактором в этом регионе является проблема границ и территориальные споры, которые вызывают в некоторых случаях внутренние угрозы, а в некоторых являются следствием внешних угроз. На протяжении своей истории, народы, которые жили на своей национальной территории либо были насильственно перемещены, либо разделены между несколькими государствами.

⁵ Аркадий Мошес. Россия и новая «промежуточная» Европа, Pro et Contra, 2010, июль-октябрь, - С. 129.

Поскольку такие трагедии остаются в коллективной памяти этнических групп довольно длительное время, то рано или поздно, в результате изменения баланса в регионе, они стремятся к воссоединению и созданию собственных национальных государств.

Вопрос о пограничных конфликтах и территориальных спорах также имеет внешнее измерение, поскольку границы между некоторыми странами этого региона являются спорными. Есть также территориальные споры между некоторыми странами в связи с отсутствием межгосударственных договоров, касающихся государственных границ, или различным толкованием этих договоров конфликтующими сторонами.

Регион также стал объектом угроз порожденных сдвигом системы международных отношений в сторону многополярности. Соответственно, основной спектр угроз международной безопасности стал смещаться с глобального уровня на уровень региональный.

Среди внешних факторов наиболее существенным стало изменение баланса сил между двумя ключевыми игроками на европейском континенте - США и Россией в сторону последней. «Перезагрузка» отношений между США и Россией четко зафиксировала начало такого сдвига и резкое ослабление влияния США на постсоветском пространстве, в первую очередь в отношении такой страны как Украина. В результате, американская администрация стала больше учитывать геополитические интересы России, чем заботиться о сохранении государственного суверенитета и демократии в Украине.

Еще одним важным фактором дестабилизации региона "Новой Восточной Европы» является углубление межцивилизационного разлома между Европой и Евразией. Это углубление сопровождается усилением конкурентной борьбы и соперничества России с Западом за сферы влияния в регионе "Новой Восточной Европы». Такая конкурентная борьба перекидывается и на европейские структуры безопасности. Наиболее наглядными примерами такой конкуренции являются отношения НАТО-Россия, ЕС-Россия, ОБСЕ-Россия.

Таким образом, в результате формирования системы коллективной безопасности и обороны на базе НАТО и ЕС западная и центрально-восточная части европейского континента обеспечены достаточно надежными и действенными механизмами и гарантиями безопасности. Другая часть «Большой Европы» - "Новая Восточная

Европа» оказалась вне зоны процветания и безопасности, чем закрепляется взрывоопасный раскол евроатлантического пространства⁶.

О будущей архитектуре безопасности в регионе «Новой Восточной Европы»

Основной тенденцией формирования такой архитектуры в этих условиях станет восстановление региональной биполярной системы безопасности в Европе, состоящей из двух противоположных политических систем, принадлежащих к различным цивилизационным образованиям. С одной стороны, эту архитектуру биполярности будет представлять существующая евроатлантическая система безопасности на основе НАТО и ЕС. Страны, входящие в эту подсистему объединены общими европейскими ценностями и демократическими режимами. Противоположную сторону этой архитектуры будет представлять российский комплекс безопасности, объединенный тесными культурными и ментальными чертами и общими авторитарными режимами его участников. Эти две стороны архитектуры сохранят отношения мирного сосуществования, несмотря на очевидный политический антагонизм между ними.

НАТО. Очевидно, что при доминировании жестких угроз и региональной биполярности, НАТО будет оставаться, как и во времена холодной войны, основным столпом европейской коллективной безопасности и обороны. По сравнению с однополярным миром, когда НАТО вынуждено было реагировать на глобальные угрозы, и таким образом, брать на себя функции глобальной структуры безопасности, в условиях многополярного мира, оно будет вынуждено вернуться в сферу традиционной региональной ответственности с возможностями реагирования на отдельные вызовы глобального характера. Но при возвращении к традиционным функциям и задачам, НАТО в системе региональной биполярности столкнется с новой проблемой. Условно ее можно назвать - *дилеммой между глобальной стратегией кооперативной безопасности и стратегией регионального сдерживания России*. Без реализации таких функций биполярная система европейской безопасности окажется неустойчивой, нестабильной и неэффективной. Очевидно, что для реализации таких функций НАТО будет вынуждено прибегнуть к ограничению своих

⁶ К новой архитектуре евроатлантической безопасности: Доклад российских экспертов к конференции дискуссионного клуба «Валдай». – Лондон, 2009, 8-10 декабря. – С.6.

миссий, в частности в Афганистане, и концентрации ресурсов на ключевых и наиболее угрожающих направлениях.

ЕС в такой системе будет оставаться вторым столпом, и играть роль второй скрипки в обеспечении безопасности европейского сообщества. Евросоюз в сфере безопасности сконцентрирует свои усилия на нейтрализации мягких угроз европейской безопасности в тесном взаимодействии с НАТО и сотрудничестве с Россией. Такое распределение функций позволит ЕС сэкономить на военных расходах и сконцентрировать свои ресурсы на проведение экономических и политических модернизаций в середине европейского сообщества.

ОБСЕ. Роль этой организации будет сведена к функциям медиатора в отношениях между двумя сторонами биполярной системы безопасности и формированию общего режима контроля над вооружениями.

Украина. В условиях региональной биполярной системы безопасности, Украина останется в серой или «буферной зоне», которая будет характеризоваться внутренней и внешней нестабильностью и неблагоприятным, а порой и опасным внешнеполитическим окружением. Не имея возможности интегрироваться в европейскую систему и не желая приобщиться к российскому блоку, Украина будет формально оставаться внеблоковым государством с большим дефицитом собственной национальной безопасности. Возможность предоставления нейтралитета таким странам, оказавшимся в серой зоне, является маловероятной. При отсутствии достаточной собственной оборонной ресурсной базы, наличия российского военного присутствия, мощном внешнем влиянии и внутренней расколотости украинского общества и политической элиты, такие гарантии нейтралитета могут быть только фиктивными и рассматриваться, как препятствие на пути к НАТО.

Внеблоковый статус Украины возможно и делает невозможным ее вступление в ОДКБ или НАТО, однако дает России возможность компенсировать этот недостаток сохранением российского военного присутствия на территории Украины. Это также станет важной военно-политической предпосылкой для возвращения Украины в российскую орбиту. На этом разделение Европы на две зоны влияния завершится окончательно. В любом случае такой фиктивный внеблоковый статус не уберет Украину от внешнего вмешательства России в ее внутренние дела с целью реформирования политического устройства страны на русский лад.

Следовательно, при такой региональной биполярной системе в Украине остается немного шансов сохранить свою независимость и государственный суверенитет.

Организационное включение Украины в евроатлантическую систему коллективной обороны и безопасности будет невозможным в силу ее внеблокового статуса, маргинализации внешней и внутренней политики, сползания в авторитаризм и углубление зависимости от России.

Нормативное привлечение Украины к системе европейской коллективной безопасности окажется тоже ограниченным, поскольку такая коллективная безопасность должна обеспечивать мир и стабильность демократических государств европейского сообщества, в круг которых она не будет входить. Остается возможным только привлечение Украины к европейской коллективной безопасности через отдельные секторальные соглашения. Механизмы такого привлечения закреплены в Хартии об особом партнерстве между Украиной и НАТО, однако, с изменением Киевом формулы партнерства с «особого» на «конструктивное» они теряют свою актуальность.

Д-р Себастьян Плученник

Институт Международных Исследований, Вроцлавский Университет (Вроцлав, Польша)

**БОЛЬШЕ СВОБОДЫ, БОЛЬШЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.
ТРАНСФОРМАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
– И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕГИОНОВ.**

Последние два десятилетия экономического развития в посткоммунистических экономиках характеризовались подчинением экономических стратегий регионов действиям, предпринимаемым на уровне государства. Трансформация означала создание основ рыночной системы, затем постепенное её развитие и улучшение. Экономика должна была достичь определённых стандартов, связанных, в частности, с процессом интеграции с международными институтами – в особенности с Европейским Союзом, а также с ОЭСР и ВТО. Это означало, что локальные стратегии не играют первоочередной роли.

Такое положение вещей в будущем будет нарушено двумя процессами. Во-первых, экономическая трансформация, понимаемая как выход из коммунизма/социализма, подходит к окончательному завершению. Во-вторых, новые технологии приводят в движение мощные децентрализационные силы.

До сих пор экономическая трансформация в большинстве посткоммунистических стран протекала согласно схеме: либерализация и снижение затрат. На этом «топливе» можно было запустить эффект «догоняния». Эти источники развития, однако, не долговечны. Стратегия затрат приносит быстрый рост до уровня около 10-13 тыс. долларов США на душу населения, после становятся необходимы значительно более сложные источники роста, в том числе доверие, способность к сотрудничеству, специфические знания. Их даёт только зрелая капиталистическая система, которая может принимать разные институциональные формы. Для их понимания полезным может оказаться подход *Varieties of Capitalism*, который в последние годы приобрёл солидные позиции в политической экономии. Он анализирует, каким образом фирмы получают важнейшие факторы производства, то есть, капитал, труд и умения сотрудников.

В целом VoC выделяет два крайние, хотя в равной мере эффективные решения. Первым из них является либеральная рыночная экономика (LME), которая основывается на динамичном доступе к упомянутым факторам производства. Капитал

добывается в большей степени через биржу, чем долговременные банковские кредиты, труд – через эластичное трудоустройство, а не стабильные, «полные» договора, а знания фирмы покупают на рынке: выпускники сами инвестируют в квалификацию и несут связанные с этим риски. Такой тип экономики генерирует радикальные инновации, потому что легко перебрасывать ресурсы от менее эффективных применений к более продуктивным. Классические отрасли – это IT, СМИ, биотехнология. Вторая модель, координируемая рыночная экономика (СМЕ), опирается на более стабильный доступ к факторам производства. Благодаря этому, однако, она создаёт специфические инновации, состоящие в улучшении качества продукта и глубокой специализации. Типичные отрасли – это автомобильная промышленность, производство вычислительных машин и т. д. Между этими моделями существует несколько промежуточных моделей, в том числе, например, скандинавская модель, опирающаяся на эластичные рынки, и в то же время – на социальное страхование, которое побуждает людей к инвестированию в рискованные, специфические квалификации.

Польша до сих пор развивалась согласно схеме трансформационной экономики. Исследователи определяли её термином DME – dependent market economy, то есть, зависимой рыночной экономики. Речь идёт о системе, почти полностью зависимой от импорта знаний и капитала из-за границы. Система в целом была сравнительно либеральной, с относительно эластичным рынком труда. Её производительность, однако, ослабляет низкое институциональное качество. Она была не в состоянии продуцировать инновации.

Роль регионов как автономного центра, реализующего собственную стратегию развития, в DME была относительно невелика. Они использовали средства ЕС и государства для развития простой, хотя, конечно, необходимой инфраструктуры и, в принципе, эта сфера выполняла большую часть стратегических планов.

Ситуация, однако, изменилась. Польша будет вынуждена в будущем предпринять усилия, направленные на то, чтобы стать инновационной экономикой – либо в сфере радикальных, либо постепенных инноваций. Окончательный результат этого процесса не очевиден. Если на центральном уровне будет форсироваться определённое видение институциональной формы польской экономики, не исключены конфликты с зарождающимися стратегиями регионов, которые решают, концентрироваться им, например, на развитии промышленности, или услуг.

В данном контексте наиболее универсальным было бы формирование децентрализованного ЛМЕ, который на центральном уровне практикует далекоидущую эластичность, а вопросы более точной регуляции оставляет регионам. Они могут, например, больше включиться в открытие новых источников доступа к капиталу, хотя бы путём создания локальных кредитных кооперативов. Могут также иначе регулировать рынок труда, например, стремиться к самостоятельному установлению минимальной зарплаты. Самые большие возможности проявить себя, однако, появляются в сфере знаний и умений, где всё ещё слабо освоенной остаётся сфера сотрудничества высших учебных заведений с местным бизнесом. В будущем можно себе представить возникновение учебных заведений, ориентированных прежде всего на обеспечение квалификаций местному рынку труда.

Что интересно, к этому может присоединиться местная макроэкономическая и социальная политика. Особо интересным феноменом могут стать региональные валюты и специальные фонды развития. Через первые можно будет стимулировать местную конъюнктуру, например, через ограниченный срок действия валюты. Социальная политика, в свою очередь, будет применяться значительно «агрессивнее», чем до сих пор, например, для привлечения потенциальных жителей. Такую политику начало проводить опольское воеводство. Подводя итоги, предположу, что стратегическое планирование на местном уровне усилится, вплоть до решения, будет ли, например, Нижняя Силезия ЛМЕ или СМЕ.

Изменения в нынешнем положении регионов могут вызвать также новые технологии, в особенности экспансия интернета, 3d-принтеры и революция в производстве энергии. Начнём с интернета, экономический смысл которого состоит, прежде всего, в исключении посредников из цепи производства и дистрибуции, в том числе также ограничение власти центральных офисов фирм в пользу их региональных филиалов. Эта децентрализация бизнеса может интересным образом усилить новый подход к стратегии регионов. В подобном направлении подействует и прогнозируемая очередная техническая революция, состоящая в распространении 3d-принтеров. В определённом смысле она означает возвращение к «надомному» производству с очень децентрализованной, расплывлённой системой производства. Это также может укрепить локальные территориальные единицы. Последний элемент, о котором стоит упомянуть, это изменения в способах производства энергии. Наблюдая хотя бы за тенденциями в Германии, можно предвидеть, что местный

уровень будет всё более самодостаточен в энергетическом отношении, вытесняя с рынка большие централизованные фирмы. Благодаря сети ветроэлектростанций, домов, продающих излишки энергии, ферм солнечных панелей, установок для сжигания биомассы и т.д. станет возможной местная промышленная политика, конкурирующая не как до сих пор – уровнем налогов, а и ценой энергии.

Подводя итоги, отметим, что Польше, а также другим странам, которые 20 лет назад начали трансформацию своих экономических систем, предстоит конкретизировать свои модели развития, или, иначе говоря, модели капитализма. В этом процессе, я думаю, возрастёт роль более точных, подробных стратегий, которые подходят к местным условиям – то есть, формулируемых на уровне регионов. Идеальным в данном контексте для стран Центральной и Восточной Европы был бы LME, дающий значительную свободу регионам. Другая тенденция имеет уже технологический характер: новые методы производства приведут к тому, что прежние территориальные ограничения (доступ к мировым рынкам) и зависимость от центрального уровня будут менее значимы. Более важными будут конкретные политики развития, формулируемые именно там, где они будут реализовываться и где ожидаются их результаты. Короче говоря, регионы будут иметь больше свободы, но и больше ответственности.

Александр Р. Проничев

Общественная палата Владимирской области (г. Владимир, Россия)

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ВОПРОСУ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Современный этап развития общества связан, прежде всего, с лавинообразным – на несколько порядков возросшим объемом информации. Большинство стран мира уже совершило переход к постиндустриальному этапу развития общества, связанному, с формированием глобального информационного пространства, то есть информационной стадии развития. Это особенно актуально для европейских стран, где уровень жизни населения постоянно повышается, информация становится все более мощным стратегическим ресурсом, а уровень вовлеченности того или иного государства и его населения в глобальное информационное пространство – критерием степени его развития.

Значительные изменения, которые несет миру информационная революция, определяемая, в частности, формированием глобальных информационных сетей, необходимостью расширения коммуникативной и технической базы, настолько неоднозначны и многогранны, что очень трудно оценить вызываемые ими социальные последствия. Зачастую, негативные социальные последствия и угрозы связаны с недостаточно развитой системой информационной безопасности, прежде всего, на региональном и местном уровне.

В связи с этим, опыт регионального сотрудничества стран Центральной и Восточной Европы в сфере информационной политики безопасности, формировании единого информационного пространства особенно актуален и призван минимизировать угрозы стран-союзниц в киберпространстве.

В данной связи интерес представляет опыт Владимирского региона по взаимодействию научного сообщества, органов законодательной и исполнительной власти, граждан, общественных организаций и бизнес-структур в части формирования и поддержания политики информационной безопасности и преодоления информационного неравенства между региональным центром и глубинкой, вытекающего из неодинаковых возможностей использования новейших информационных технологий.

За разработку и проведение государственной политики в сфере информатизации в регионе по полномочиям, возложенным на администрацию Владимирской области, отвечает Комитет информатизации, связи и телекоммуникаций. В зону ответственности Комитета входит обеспечение информационной безопасности областных информационных систем и телекоммуникационной инфраструктуры, совместная работа с операторами мобильной и фиксированной связи в регионе с целью содействия последним в части развития технической базы для внедрения новейших телекоммуникационных технологий. Подобная работа по реализации единой политики в сфере информатизации ведется и профильным департаментом органов местного самоуправления.

Важной формой участия граждан и общественных объединений в решении актуальных вопросов социально-экономического развития региона и, в частности, вопросов предупреждения и преодоления угроз информационной безопасности является Общественная палата Владимирской области. Граждане, обращаясь в Общественную палату с конкретными инициативами и предложениями, могут рассчитывать на своевременное доведение общественного мнения до сведения органов государственной власти Владимирской области и органов местного самоуправления.

Активная работа региональных операторов мобильной и фиксированной связи в этом направлении заключается, прежде всего, в строительстве волоконно-оптических линий связи (ВОЛС) и внедрении новых поколений мобильной связи, необходимость в которых диктует само общество. К примеру, один из крупнейших сотовых операторов России ОАО «МегаФон» в 2011 году обеспечил более 97% населенных пунктов Владимирского региона связью стандарта третьего (3G) поколения, что позволило значительно сократить информационный разрыв между городом и деревней. В октябре 2012 года компания ввела в эксплуатацию стандарт связи четвертого поколения (4G), предоставляющий жителям региона самые современные возможности неограниченного присутствия в мировом информационном пространстве и защиты информации.

Все это указывает на положительный опыт взаимодействия общества, бизнес-структур и региональных органов власти в направлении укрепления социально-политической, гражданской, информационной стабильности региона, который мог бы успешно использоваться странами Центрально-Восточной Европы.

Глобальная информационная среда является не в полной мере изученным феноменом современного общества, поскольку претерпевает постоянные изменения. Хорошим подспорьем в перманентном изучении вопроса информационной безопасности, а также важных тем стратегического развития общества, в том числе и на международном уровне, являются научно – исследовательские работы Ученого совета Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Традиционными в филиале являются родные и межвузовские научно–практические конференции. Так, с 2003 г. ежегодно до 2012 г. в декабре на базе филиала проводятся конференции молодых ученых по проблемам стратегического управления, в которых принимают участие ученые из США, КНР, Казахстана, Швеции.

В международном аспекте заключены и получили свое развитие договоры о сотрудничестве с Западно-Иллинойским университетом США, Административным институтом провинции Юнь-Нань Китайской Народной Республики, филиал вместе с тремя вузами Швеции является участником международного проекта по проблемам устойчивого развития территорий.

В рамках этого проекта 16–17 ноября 2010 г. во Владимире на базе филиала прошел российско-шведский семинар по проблемам устойчивого развития региона. 15–16 марта 2011 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы миграционной политики», в которой кроме россиян приняли участие ученые из США, Польши и Словении.

В филиале создан кабинет национальной безопасности, который в настоящее время работает над вопросом создания Центра исследований проблем обеспечения безопасности региона.

Важно понимать, что сотрудничество стран Европы на уровне регионов в области вопросов информационной безопасности и телекоммуникационного развития позволит не только обмениваться научными разработками и практическим опытом, совместно бороться с реальными информационными угрозами, но и снизит риск возникновения межнациональных конфликтов, усилит взаимное доверие стран друг к другу.

к.и.н. Андрей В. Русакович

председатель правления общественного объединения «Центр изучения внешней политики и безопасности» (Минск, Беларусь)

БЕЛАРУСЬ: МЕЖДУ ВОСТОЧНЫМ ПАРТНЁРСТВОМ И ЕВРАЗИЙСКИМ СОЮЗОМ

Общий формат политики ЕС по отношению к постсоветским государствам формировался в условиях распада биполярной структуры международных отношений, окончания «холодной войны», прекращения существования мировой системы социализма и СССР как его основной составляющей. Новые государства постсоветского пространства в начале 1990-х гг. вступили в сложный этап модернизации и преобразований экономической, политической, социальной систем, который к тому же сопровождался острым экономическим кризисом, падением уровня жизни населения. Бурный старт трансформационных процессов в государствах СНГ не привел к формированию устойчивой, основанной на принципах демократии, рыночной экономики, правового государства политической и экономической системы. Эти факторы, с одной стороны, снижали ценности демократии и рыночной экономики для значительной части населения, и, с другой, уменьшали роль постсоветских государств в качестве полноправных партнеров для развитых стран Запада. При формировании отношений между ЕС и постсоветским пространством сложность заключалась также и в том, что окончание «холодной войны», многими на Западе трактуемая как «победа», оказала непростое воздействие на процесс становления отношений с новыми государствами на Востоке. Существенное значение имели также цивилизационные различия, архетипы общественного сознания.

При формировании отношений ЕС и государства СНГ в начале 1990-х гг. исходили из различных интересов: ЕС был заинтересован в развитии государств СНГ как стабильных демократических правовых государств с рыночной экономикой, интегрированных в систему европейской безопасности, экономических и политических отношений. Для государств постсоветского пространства преобладали стремления использовать сотрудничество с ЕС для поддержки и реформирования экономики. Институциональное и договорно-правовое оформление отношений между ЕС и государствами СНГ в основном произошло в середине 1990-х гг.: подписание типовых Соглашений о партнерстве и сотрудничестве,

распространение программ технической помощи ТАСИС, содействие со стороны ЕС вступлению государств СНГ в региональные и международные организации. В целом же государства постсоветского пространства приняли формат отношений, предложенный со стороны ЕС и действовавший в последние годы существования СССР. Таким образом, в 1990-е – начале 2000-х гг. политика ЕС на постсоветском пространстве носила предельно общий характер, в ее рамках решались вопросы складывания общего формата партнерства.

Значительные изменения произошли за последующие полтора десятилетия. Прежде всего, существенно изменился ЕС. Эти изменения связаны с расширением ЕС до 27 государств-членов, параллельно на основе Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров шло углубление интеграционных процессов: был разработан ряд стратегий, создан внутренний рынок, Шенгенская зона, введено евро, укреплено сотрудничество между полицейскими структурами и органами правосудия, сформировалась и начала осуществляться общая внешняя политика и политика безопасности, общая политика безопасности и обороны. ЕС, несмотря на сложности и проблемы 2000-х гг., все увереннее заявлял о себе как о значимом субъекте международных отношений и выступал на международной арене единым голосом. Изменился и формат отношений ЕС со странами СНГ: после расширения 2004 г. в Европейском союзе пришли к необходимости определенного пересмотра отношений с государствами постсоветского пространства.

В настоящее время существуют несколько форматов отношений ЕС с государствами постсоветского пространства:

- «Европейская политика соседства» (ЕПС) с 2004 г. Цель ЕПС – «больше чем партнерство, но меньше чем членство» - предусматривает широкомасштабное сотрудничество, движение государств-партнеров к демократии, рыночной экономике и признанию европейских ценностей. Европейская политика соседства имеет с 2008 г. два измерения: «Восточное партнерство» (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Украина) и «Союз для Средиземноморья».

- Стратегическое партнерство с Россией.

- Стратегия ЕС – Центральная Азия с 2009 г. Интерес ЕС в этом регионе сосредоточен в первую очередь в развитии проектов энергетического сотрудничества.

В рамках перечисленных проектов имеются также различные форматы взаимодействия, свои проблемы и сложности. Например, в рамках «Восточного

партнерства» имеется как опыт Украины, заявившей о приоритетности европейской интеграции, так и опыт Беларуси, осуществляющей интеграционные проекты исключительно в рамках СНГ.

Стратегическое партнерство ЕС с Россией

В июне 1994 г. было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией, в 1998 г. начал работу Совет сотрудничества ЕС–Россия. Декларацией 2005 г. предусматривалось осуществлять стратегическое партнерство между ЕС и РФ через формирование четырех общих пространств («дорожные карты»): экономического; внутренней безопасности и правосудия; внешней безопасности; науки и образования. В ноябре 2009 г. в ходе саммита Россия-ЕС в Стокгольме была выдвинута инициатива «Партнерство для модернизации», утвержденная в июне 2010 г. Целью партнерства является содействие в решении задач модернизации экономики России и всего комплекса отношений РФ-ЕС с учетом уже имеющегося опыта их взаимодействия. В последние годы между РФ и ЕС идет обсуждение Нового базового соглашения Россия-ЕС, в частности, в фокусе особого внимания находятся торгово-инвестиционные положения будущего соглашения, в т.ч. с учетом образования ЕЭП России, Беларуси и Казахстана.

ЕС является крупнейшим торговым партнером России, 2/3 прямых иностранных инвестиций поступают из ЕС. Россия для ЕС в основном выступает в роли поставщика энергоресурсов, в этом плане проблемными для партнеров являются различные подходы к реализации Договора к энергетической хартии. Существуют также противоречия между Россией и ЕС по вопросам внешней безопасности. Если по ряду международных проблем взгляды совпадают, то вопросы по Сирии, Косово и др. не имеют общих решений, ряд проблем касается пространства СНГ: ЕС имеет собственную точку зрения в отношении таких проблем, как Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, ПМР, перспектив развития отношений с государствами «Восточного пространства».

Важно отметить, что об интеграции России и/в ЕС речи не идет, так как Россия позиционирует себя в качестве лидера постсоветского пространства и реализует собственные проекты евразийской интеграции, что в перспективе может привести к складыванию новой геополитической «двухполюсности» в Европе. «Поворотным»

в плане ускорения интеграционных российских проектов был 2008 г. (грузино-российская война, которая привела к выходу Грузии из СНГ и расколу государств постсоветского пространства по отношению признания новых государственных образований на Кавказе; продвижение Европейским союзом проекта «Восточного партнерства», который Россия рассматривала в качестве конкурирующего в геополитическом отношении на пространстве Восточной Европы; возможность начала процесса вступления Грузии и Украины в НАТО).

«Восточное партнерство» и отношения Беларуси с Европейским союзом

Отношения Беларуси и ЕС являются в определенном отношении уникальными: ни с одной страной «Восточного партнерства» ЕС не имеет таких проблемных отношений. С 1997 г. после конституционного референдума в Беларуси ЕС проводит в отношении республики политику, основанную на ограничении контактов: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1995 г. не действует, Плана действий в рамках «Европейской политики соседства» не сформировано, стороны не ведут политический диалог, приостановлено формирование договорно-правовой базы.

Необходимо отметить, что в 2008-2010 гг. наблюдался этап существенного улучшения отношений Беларуси и ЕС. В рамках этого процесса в мае 2009 г. Беларусь вступила в программу ЕС «Восточное партнерство»: в Праге государства ЕС и страны-участницы программы приняли итоговую Декларацию, которая определила сферы и направления сотрудничества. «Восточное партнерство» реализуется в форматах: двустороннем (ЕС+1), в зависимости от уровня демократического развития и заинтересованности каждой из стран-участниц в сближении с ЕС (этот формат исключен для Беларуси вследствие отсутствия политико-правовых оснований); и многостороннем (ЕС+6), направленном на укрепление сотрудничества между самими странами-соседями (более приемлем для Беларуси). Были образованы тематические платформы «Восточного партнерства»: по демократии, эффективному государственному управлению и стабильности; по развитию контактов между людьми; по энергетической безопасности; по экономической интеграции и сближению с отраслевой политикой ЕС.

Участие в программе «Восточное партнерство» в период 2009-2010 гг. становится одним из важных направлений сотрудничества Беларуси и ЕС. Белорусской стороной

были представлены инвестиционные проекты в областях развития транзитной инфраструктуры, энергоснабжения, оптимизации таможенного и пограничного контроля с ЕС. Потенциальными прагматическими преимуществами «Восточного партнерства» для Беларуси являлись: расширенный доступ белорусских товаров на рынок ЕС, перспектива формирования зоны свободной торговли с ЕС вплоть до подписания соглашения об ассоциации; целевое финансирование ЕС национальных программ развития; либерализация визового режима с ЕС; активизация сотрудничества с ЕС по борьбе с нелегальной миграцией, модернизации пограничной инфраструктуры, развитию взаимодействия правоохранительных и судебных органов; совместное с ЕС решение вопросов диверсифицированного и долгосрочного энергообеспечения и энерготранзита, совместимости и взаимной интеграции электроэнергетических сетей, а в среднесрочной перспективе – создание общего энергетического рынка; расширенное кредитно-инвестиционное сотрудничество с финансовыми институтами ЕС и его государств-членов. Вместе с тем уже на этапе формирования и реализации «Восточного партнерства» Беларусь выявились определенные ограничения: проблема соответствия внутривнутриполитического развития Беларуси стандартам и ценностям ЕС, различие в понимании политических целей «Восточного партнерства»; обязательства Беларуси на постсоветском пространстве (союз с Россией, Таможенный союз, ОДКБ и др.); недостаточный уровень заинтересованности стран ЕС в развитии отношений с Беларусью; «разочарование» как со стороны ЕС, так и с белорусской стороны итогами взаимодействия в период 2009-2010 гг.; нерешенность «багажа» проблем периода 1997-2007 гг., проблемы в формировании Евронеста; настороженное отношение России к программе «Восточное партнерство». После декабря 2010 г. отношения Беларуси с ЕС приобрели «особый», «замороженный» формат («политика критического взаимодействия» и «тайм-аута»).

Европейский союз является важным торгово-экономическим партнером Беларуси, основным поставщиком промышленного оборудования, передовых технологий и иностранных инвестиций. По информации Министерства экономики Республики Беларусь, в 2011 г. иностранными инвесторами вложено в реальный сектор экономики 18,9 млрд. долл. США валовых иностранных инвестиций, в том числе 13,2 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций. Основными странами-инвесторами в 2011 г. являлись: Россия 54%, Великобритания 30,4%, Украина 4,2%, Кипр 2,6%, Италия

1,5%, Германия 1,1%, США 0,8%, Литва 0,7%, Нидерланды 0,6%, Польша 0,6%. Объем внешней торговли между Беларусью и Европейским союзом в 2011 гг. составил 24 500 млн. долл. США (28,2 % всего товарооборота Беларуси), причем необходимо отметить положительное сальдо для Беларуси в размере 7 000 млн. долл. США, сформированное в основном за счет поставок нефтепродуктов в страны ЕС. По итогам января – сентября 2012 г. данная динамика сохранилась: объем торговли между Беларусью и ЕС составил 21 500 млн. долл. США (30,6 % всего товарооборота Беларуси), положительное сальдо для Беларуси составило 8 300 млн. долл. США.

Европейский союз реализует в Беларуси программы помощи в различных сферах, осуществляет поддержку развития гражданского общества, СМИ, поддержку борьбы с незаконным оборотом наркотиков, программы поддержки международных стандартов в области прав человека, оказывает помощь в минимизации последствий аварии в Чернобыле. Устойчивое развитие получило сотрудничество в сфере охраны границ, противодействия незаконной миграции. Беларусь участвует в программах трансграничного сотрудничества ЕС «Беларусь – Литва – Латвия», «Польша – Украина – Беларусь», «Регион Балтийского моря». Составной частью политики ЕС в отношении Беларуси является Европейский диалог по модернизации, объявленный весной 2012 г., который предусматривает многосторонний обмен мнениями между ЕС и представителями белорусского гражданского общества и политической оппозиции по вопросам реформ, необходимых для Беларуси и поддержки в этом со стороны ЕС. Важным аспектом повестки дня двусторонних отношений является разрешение вопросов либерализации визового режима и реадмиссии. Беларусь в настоящее время подписала соглашения о малом приграничном движении с Латвией, Литвой, Польшей, из которых в настоящее время реализуется соглашение с Латвией. Европейский союз в сознании жителей Беларуси является значимым ориентиром социально-экономического развития. Например, по данным социологических опросов Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, проведенных в последние годы, отношение населения Беларуси к вступлению страны в ЕС характеризуется следующими показателями: положительно на вопрос ответили 46,4 % респондентов, отрицательно - 25,7 %.

В целом партнерские отношения Беларуси и Европейского союза в настоящее время имеют сложную и противоречивую природу и являются составной частью непростых отношений Республики Беларусь и Запада. Значимость отношений

Беларуси и ЕС обусловлена наличием большой сферы общих интересов, вызовов и проблем, сформировавшихся вследствие непосредственного соседства.

В отношениях ЕС и Беларуси значительное место занимает Польша, которая обладает ценным опытом трансформации экономической системы, интеграции в НАТО и ЕС, опытом сотрудничества с государствами постсоветского пространства. В Польше хорошо знают белорусскую проблематику, на территории Польши проживает значительное число белорусов. Исторический опыт также имеет непреходящее, и в то же время противоречивое значение. Вследствие этого Польша обладает мощным ресурсным потенциалом для продвижения политики ЕС на постсоветском пространстве. Это и пример «Восточного партнерства», в отношении Беларуси – это активизация политического сотрудничества с Польшей в период 2003-2005 гг. и 2008-2010 гг. Необходимо отметить, что традиционно роль «адвоката Беларуси» в ЕС выполняла Германия, в 2004-2005 гг. наметилась тенденция перехода этой роли к Польше. Накануне вступления в ЕС правительство Польши совместно с правительством Литвы выступили инициатором новых подходов в строительстве отношений между ЕС и Беларусью, предложив в первую очередь использовать накопленный опыт двусторонних контактов, Польша также активно включилась в выработку решений ЕС по отношению к Беларуси, белорусско-польские отношения приобрели заметную динамику развития, стороны активно вели диалог и проявили способность к пониманию позиций друг друга. Однако белорусско-польский конфликт 2005 г. вокруг общественного объединения «Союз поляков Беларуси» снизил роль и возможности Польши в формировании тактической линии ЕС в отношении Беларуси. Наибольшего накала политические отношения между официальным руководством Беларуси, с одной стороны, Германии и Польши, с другой, достигли в период после декабрьских (2010 г.) президентских выборов в Беларуси. Вместе с тем необходимо отметить, что Польша в состоянии выполнять активную роль на постсоветском пространстве, реализуя как собственные национально-государственные интересы, так и представляя интересы всего ЕС.

Беларусь активно участвует в проектах региональной интеграции, инициируемых Российской Федерацией: Союзное государство Беларуси и России, Организация договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество. В 2007-2010 гг. Беларусь, Россия, Казахстан окончательно согласовали подходы в отношении формирования Таможенного союза, причем белорусское

руководство в ходе переговоров прилагало большие усилия в плане создания благоприятных для экономики условий поставки российской нефти и нефтепродуктов и в 2010 г. подписало Таможенный кодекс буквально накануне его вступления в силу.

В развитие интеграции в декабре 2010 г. Беларусь, Казахстан и Россия подписали 17 соглашений по созданию Единого экономического пространства. Проект ЕЭП реализуется с 2012 г. Основными принципами его функционирования являются обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, финансов и трудовых ресурсов в рамках государств-участников. В ЕЭП образован первый на пространстве СНГ наднациональный орган – Евразийская экономическая комиссия.

На этапе запуска положений ТС Беларусь в 2011 г. столкнулась с рядом сложностей и проблем. В первую очередь необходимо отметить, что чувствительные для белорусской экономики вопросы, связанные с поставками нефти и газа из России, были вынесены за рамки положений ТС и ЕЭП и решались на двусторонней основе. После сложных переговоров в конце 2011 г. Россия и Беларусь пришли к согласованным решениям в области поставок газа и нефти, что позволит Беларуси, по различным оценкам, получить выгоду в размере от 3 до 4 млрд. долл. США в течение 2012 г. По оценкам экспертов Евразийского банка развития, в ЕЭП именно Беларусь получит больше всего преимуществ: суммарный эффект от развития интеграционных связей за период 2011–2030 годов может дать Беларуси 15% дополнительного прироста ВВП.

Формирование и деятельность ЕЭП осуществляется с учётом норм и правил Всемирной торговой организации. В связи с вступлением России в ВТО Беларусь, которая в ближайшие годы будет находиться вне этой организации, вынуждена серьезно корректировать свою экономическую политику. Необходимо отметить, что новые евразийские интеграционные проекты в рамках СНГ основаны на принципах ВТО и действуют на основе политики, сформулированной глобальными финансово-экономическими институтами. Это существенно сближает оба проекта интеграции – европейский и евразийский.

В ноябре 2011 г. президенты России, Беларуси и Казахстана подписали декларацию об евразийской экономической интеграции, в которой заявили о переходе к следующему этапу интеграции – Евразийскому экономическому союзу, который будет создан на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства к 2015 г.

Важно отметить, что в рамках интеграционных проектов Россия реализует в том числе и собственные геополитические амбиции. В Таможенный союз настойчиво приглашается Украина, большое внимание Россия также уделяет развитию связей в рамках АТЭС и имеет целью сделать ЕЭП связующим звеном между ЕС и АТЭС. В последнее время активно обсуждается инициатива президента России В. В. Путина, выдвинутая на саммите Россия-ЕС в начале июня 2012 г. о совместном формировании экономического и человеческого пространств от Атлантики до Тихого океана. Для этого есть предпосылки, и данный проект представляет значительную ценность для Беларуси с учетом ее геополитического положения. Одной из ключевых общих проблем является необходимость модернизации, тем более, что политико-экономический цикл переходного периода постсоветского пространства подходит к своему завершающему этапу. Странам СНГ необходимо совершить переход к следующему технологическому укладу, нарастить экономику, провести ее структурную перестройку, создать устойчивый слой среднего класса. В целом же стабильное развитие постсоветского пространства является важным элементом общеевропейского процесса.

Д-р Марчин Сенкевич

Институт Международных Исследований, Вроцлавский Университет (Вроцлав, Польша)

ПРЕОДОЛЕВАТЬ УГРОЗЫ – УКРЕПЛЯТЬ ДОВЕРИЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Подлинное сотрудничество между центрально- и восточноевропейскими государствами стало возможным с окончанием холодной войны и распадом советской империи. На протяжении последних 20 лет из взаимоотношений, однако, не возникло региональное политическое сообщество, способное формулировать и выразить общие интересы. В настоящее время Центральная Европа находится в евроатлантическом военно-политико-экономическом пространстве. Государства же Восточной Европы – Беларусь, Украина и Молдова – последовательно притягиваются Российской Федерацией. Возможно ли в таких условиях серьёзное, долгосрочное сотрудничество? Да, если удастся согласовать каталог базовых, независимых от текущей политической игры, общих интересов для государств региона. Их следует искать в историческом опыте народов и государств региона, экономических интересах и потребностях и геополитических и геостратегических факторах.

Не углубляясь далеко в историю Европы и ограничившись только опытом XX века, можно заметить определённую закономерность в её политической истории. Речь о проявляющейся у западных держав и у восточной империи склонности к объективному отношению к народам и государствам, располагающимся в вышеупомянутом регионе континента. Это отражалось как на политической практике, так и на политических концепциях. Об этом свидетельствуют многие заключённые в прошлом соглашения, начиная с Локарнских договоров 1925 г., Мюнхенского 1938 г., пакта Риббентропа-Молотова 1939 г., ялтинско-потсдамских договорённостей 1945 г., в которых государства Центральной и Восточной Европы трактовались как второстепенные политические актёры либо как объекты политического торга. Такой подход к региону находил обоснование, в частности, в политической мысли Фридриха Науманна и Карла Хаусхофера, где наш регион признавался территорией политического и экономического доминирования Германии или просто как жизненное пространство немецкого народа. Вследствие II мировой

войны регион стал территорией абсолютного доминирования победившей советской империи.

Базовым интересом государств региона, следовательно, является недопущение возрождения в международной политике инструментального и объектного способа их восприятия и трактовки. Источником угроз в данном аспекте может быть:

- прогрессирующая бюрократизация Европейского Союза, исключая демократический механизм принятия решений,
- преобразование ЕС как союза суверенных национальных государств в *супергосударство*,
- возникновение европейского *супергосударства*, являющегося в действительности инструментом реализации интересов Германии или Франции,
- неоимперская политика Российской Федерации.

В сфере экономики, определение общих интересов может произойти прежде всего в топливно-энергетическом секторе. Стратегической целью государств нашего региона является навёрстывание в как можно более сжатые сроки отставания в экономическом развитии и уровне жизни от государств Западной Европы. Фундаментом, на котором можно строить такое развитие, является свободный доступ к энергоносителям и топливам. Центральная Европа нуждается в топливе и энергии по доступным ценам. Эти потребности особенно ощутимы в секторе природного газа. В Центральной и Восточной Европе в данной сфере существует монополия одного поставщика – Российской Федерации, одного средства транспорта – трубопроводного и одного направления поставок – с востока на запад. Государства нашего региона после более чем 20 лет от распада советского блока не предприняли в сфере поставок газа существенного сотрудничества. Сотрудничество государств региона должно сосредотачиваться на:

- построении транспортной инфраструктуры, делающей возможными поставки с разных направлений и от разных поставщиков,
- построении соединений (интерконнекторов), создающих возможность передачи газа между транспортными системами отдельных государств,
- внедрении евросоюзных директив, либерализующих рынок природного газа,
- создании рыночной инфраструктуры в форме бирж газа и газовых хабов.

В настоящее время реализуется проект газотранспортного коридора Север-Юг. Главными партнёрами этого проекта являются: польский оператор газотранспортной системы Gaz System и хорватский оператор газопроводов Plinacro d.o.o. Концепция коридора Север-Юг предусматривает соединение терминала сжиженного природного газа в Свиноустье, через Южную Польшу, Чешскую Республику, Словакию и Венгрию с терминалом сжиженного природного газа Adria в Хорватии. Создание свободного рынка газа в Центральной Европе повысит безопасность поставок данного сырья и, благодаря механизму конкуренции, сделает возможным снижение его цены. В дальнейшей перспективе с центральноевропейским рынком должны быть соединены рынки Беларуси, Украины и Молдовы. Следует отметить, что власти Украины провозгласили намерение строительства терминала сжиженного природного газа в Одессе, а Беларусь заинтересована в получении природного газа из литовского плавучего терминала сжиженного природного газа, который должен встать в строй в 2014 г. Началу сотрудничества в области торговли газом должен способствовать факт запуска второй нитки северного газопровода, который ухудшает транзитные позиции государств Восточной и Центральной Европы.

В регионе Центральной и Восточной Европы соприкасаются между собой границы НАТО и Организации Договора о коллективной безопасности. Эта ситуация не тождественна прежнему положению «холодной войны». Государства, входящие в эти две организации, официально не декларируют взаимной враждебности. Можно даже отметить примеры военного сотрудничества между ними (например, в сфере борьбы с терроризмом). Чувствуется, однако, определённая напряжённость, проявляющаяся, прежде всего, на фоне активности НАТО в отношении государств постсоветского пространства. Следует ясно констатировать, что политика дальнейшего расширения Пакта, развития военного сотрудничества с государствами бывшего Советского Союза, военная активность США в вопросе безопасности Центральной Европы трактуется Российской федерацией как угроза для её жизненных интересов. Центральноевропейские государства, таким образом, должны решить, на чём должно концентрироваться их сотрудничество в деле достижения «стабильности» в регионе. Должны ли они, в меру своих возможностей, стремиться к: - усилению стратегического единства НАТО, - укреплению военного присутствия США в Европе, - развитию инфраструктуры и военного потенциала Пакта в регионе, - дальнейшему расширению НАТО на восток. Или согласиться на: - дальнейшее стратегическое сближение между

Германией, Францией и Россией, - ограничение военного присутствия США в Европе, - сохранение нынешнего статуса Центральной Европы как пограничной зоны НАТО, лишённой, однако, серьёзной инфраструктуры Пакта, - отказ от политики расширения НАТО и активности Пакта в отношении постсоветского пространства. Я рекомендую первый вариант.

Проф. д-р Здзислав Ю. Винницки

Директор Института Международных Исследований, Вроцлавский Университет (Вроцлав, Польша)

ЗАМЕТКИ О ЗНАЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Методологическое введение

Ренессанс исследований теории и практики цивилизационной парадигмы, начало которому положили тезисы С.П. Хантингтона, вызвал дискуссию, противодействие, но в то же время и попытки научного обозрения современных международных отношений опираясь методы, присущие этой теории. Ренессанс, о котором мы упомянули, был настолько сильным, насколько исследователи, политики и практики международных отношений признали, что в условиях прекращения двухполюсного конфликта глоболизирующаяся мировая экономика, поддерживаемая действиями региональных и мировых международных организаций, регулирующая взаимоотношения международным правом (договорами), будет впредь единственной сферой сотрудничества и конкуренции. Заметный при этом процесс неизвестного современности масштаба миграционного движения, обосновывающего своё усиление развитием прав человека, повлек за собой артикулирование постмодернистического тезиса о вполне возможном и даже желательном сосуществовании автохтонов и эмигрантов по формуле, определяемой как *multi – kulti*. Двадцать лет практики глобализма и (особенно в странах *старого Евросоюза*) *multi – kulti* наглядно продемонстрировали две тенденции: как прогнозировали и диагностировали классики теории цивилизаций, цивилизационно близкие страны сотрудничают между собой интенсивней и жёстко конкурируют со странами других цивилизацией (особенно западной), политика *multi – kulti* вместо интеграции привела к «геттизации», а увеличивающееся количество иммигрантов вызвало напряжённость в странах их поселения. Последнее пробудило давно неизвестные в таких масштабах Западной Европе националистические настроения, неприязнь, а бывает, что и враждебность по отношению ко всем иммигрантам – не только чуждоцивилизационных – до такой степени, что даже почти совершенно

политкорректная канцлер Германии была вынуждена прямо признать: «политика *multi – kulti* не оправдала доверия».

Следовательно, как около 80 лет назад в условиях совершенно иной геополитической ситуации диагностировал и прогнозировал создатель первой когерентной системы этой теории Феликс Конечны, *цивилизации невозможно смешать, и цивилизации, если они жизнеспособны, вынуждены бороться* (между собой). *Борьба* имеет прежде всего идейную форму, но за ней могут проявиться и все другие её формы. Исследования и диагностирование современных межцивилизационных отношений, таким образом, было и остаётся актуальным вопросом, потому что, вопреки преждевременным постмодернистским утверждениям *о конце истории* и, следовательно, близким или запрограммированным чуть ли не на *сейчас* картинам единой мировой либеральной цивилизации (что бы это ни означало), отрицание активного сосуществования безосновательно.

Существом цивилизаций и их взаимоотношений занимается много научных дисциплин: историософия, политология, социология, международные отношения, культурология, а также философия. Результаты исследований имеют прикладное значение, так как дают указания для политической, экономической практики, региональной и национальной безопасности. Они позволяют понять, а следовательно, и прогнозировать поведение субъектов международного права, а шире – политические явления в регионе и в макромасштабе. При этом необходимо новое определение предмета – одновременно актуальное, общепонятное и лапидарное. Мы представим соответствующее предложение.

Для создателя теории цивилизации Феликса Конечного, в том числе его определения предмета, существенным было понятие *объединения* с непротиворечивыми ценностями, лежащими в основе его развития и обуславливающими его существование. Он видел их в *тройном законе* и *пятерной ценности существования*, на основании которых он определил такое объединение как *метод организации общественной жизни* культурно-политического объединения, в том числе прежде всего – государства. Для времён этой теории и её категоризации, государство не было повсеместным явлением для составляющих называемых им цивилизаций. В настоящее время государство (национальное, многонациональное, *национально-политическое*, а также многоплеменное) является повсеместной категорией. Потому современные исследователи цивилизаций выдвинули на первый

план то, что Конечны считал существенным, но не выкристаллизованным в государственной политической формуле (политического объединения). Указали на сходство, близость, непротиворечивость культур, которые вместе и объективно определяют цивилизационную когерентность. Понятие – существо культуры, понимаемой как совокупность ценностей и убеждений, а следовательно – поведения и содержания публичных институтов, признаётся детерминантом. Для современных отношений, и, в то же время, для отличия от обиходного, *коллоквиального*, публицистического понимания самого понятия «цивилизация», мы предлагаем дефиницию, из которой следует, что: «цивилизация – это геополитическая система когерентных культур».

При помощи этой дефиниции представим тезисы, которые отвечают главной теме, указанной в заголовке настоящего очерка. Составными элементами вышеприведённой дефиниции являются:

- само название её предмета, происходящее от римского *civitas*, то есть римского метода организации общественной жизни сначала города-государства, затем Республики (*res publica* понимаемая как общее благо всех граждан), наконец, *Imperium Romani*, принципы которой основывались на общественных (государственных) институтах, римское гражданское право (*ius civile* – право граждан) и, наконец, само понятие *civitas Romani*, то есть римского гражданства, всеобщего после 212 г. н. э. для взрослых свободных жителей Империи. Сегодняшние обиходные или публицистические примеры употребления понятия «цивилизация», понимаемого как, например, уровень жизни или состояние общественной гигиены, не имеет ничего общего с классическим пониманием существа цивилизации как метода организации общественной жизни, отличающего данный метод от прочих и, тем самым, различающего цивилизации как таковые,

- геополитическая система является необходимым определяющим элементом, потому что, как отмечено выше, современный мир – это, с политической точки зрения, сумма государств. Рассмотрение этой суммы, например, в соответствии с классификацией С.Ф. Хантингтона указывает на географическое, а следовательно, геополитическое размещение основных цивилизаций современного мира. Таким образом, существует система государств с когерентными культурами, что легко заметить в близких либо тождественных структурных, правовых, социальных ценностях, экономических методах функционирования близких традициях и, наконец, интенсивности

взаимоотношений. После распада колониальной системы, цивилизации получили отчётливо различимые (политические) границы, и с тех пор имеют характер неизменных именно геополитических регионов,

- *культурная когерентность* этих систем порой нарушается историческими событиями (вытекающими из предшествующих политических действий), что раскрывается в хантингтоновских *разломах* и/или *цивилизационном разделении*. Тем не менее, *когерентность* имеет решающее значение для возникновения, существования и целостности цивилизации, особенно в отношении конкретного субъекта международного права – государства, поскольку, как свидетельствуют и исторические, и современные примеры, культурная (цивилизационная) некогерентность государства может вызывать внутренние напряжения, нередко приводящие к его распаду. Вышеприведённая дефиниция, в предложенном содержании, по нашему мнению, отличается актуальностью и является политологической по своей сути.

Предпосылки

Значительная часть современных политологических рассуждений, особенно среди молодых исследователей, трактует политическую ситуацию в Европе как своего рода *constans*, имеющий постоянную в принципе и развивающуюся в деталях организационную структуру и уровень отношений, и в этих реалиях консенсус является лишь вопросом времени. К тому же в данном контексте развитие должно касаться только будущего, принципы которого изначально относятся (в наиболее отдалённой временной перспективе) к упомянутой концепции положения *constans*, за которое принимается система учредительных договоров Европейского Союза.

Далее, при вышеупомянутом предположении, все проблемы, возникающие в отношениях, должны (могут) решаться техницистическим – технократическим – способом через закреплённые в договорах отношения в области структур, наделённых директивными полномочиями, релятивизированных паритетным составом делегатов под-субъектов, к которым сводится (должна сводиться) роль существующих европейских субъектов права-наций – национальных государств. Полному обеспечению такого желательного положения должно способствовать наддоговорное регулирование, которому сторонники вышеизложенного намереваются

придать квази-конституционную форму с приоритетом перед государственными конституциями, которые в данной системе будут терять своё классическое значение⁷.

Вышеупомянутое в целом предполагает:

- отсутствие в настоящее время и в будущем принципиальных сфер конфликтов,
- принципиальный отказ от суверенитета в пользу доминирующей панъевропейской международной организации,
- директивное управление, также в сугубо локальных вопросах (ср. конфликт под Августовом 2006 – 2007 гг.),
- замещение категории национального интереса концепцией всё более зарегулированных т. наз. прав человека во главе с Хартией Европейского Союза об основных правах.

На этом фоне можно выдвинуть гипотезу, что вышеприведённый принцип и техницистическое трактование вопроса разрешения возможных расхождений в интересах, в сочетании с глубокой верой в самодействие (саморегулирование) договоров не учитывает культурно-цивилизационных различий в рамках современного европейского проекта, каковым является Европейский Союз.

Априорная вера в саморегулирование, основанная на региональном и публичном (реже, т. к. публичное право предусматривает в качестве базовой категории принцип государственного суверенитета) международным праве, то есть согласованных нормах поведения в международных отношениях, в том числе разработке процедур и создании структур, обманчива. Ведь в международных отношениях, да и вообще, право само по себе не действует. Действуют субъекты права, что, в условиях отсутствия принуждения, опирающегося на силу (принцип современных международных отношений) может привести в тупик в условиях поразному понимаемого государственного (национального) интереса, который, как показывает практика, отнюдь не демонстрирует тенденции к отмиранию. В согласительной модели функционирования структур ЕС это вызывает определённые трудности, но в то же время даёт законные возможности справедливой защиты такого

⁷ Предполагаемое, всё более далекоидущее ограничение суверенитета государств – членов ЕС, которое в перспективе должно коснуться и компетенций в области самостоятельной внешней политики, несомненно, приведёт к противоречиям внутри ЕС – организации интеграционной, региональной – ввиду обладания государствами-членами ЕС полным атрибутом международно-правовой субъектности в рамках универсальной организации, то есть, ООН. Этот атрибут не смогут поставить под сомнение даже самые далекоидущие нормы конституционного договора ЕС.

интереса, последним примером чего является вето Польши (2007) в вопросах отношений ЕС с Россией в сфере новых норм и принципов торговли.

Проблемы и трудности, вытекающие из вышеизложенного, существуют, и ничто не свидетельствует о том, что в обозримом будущем они исчезнут. Тем более они имеют и будут иметь место в рамках исторически сформированного европейского региона, называемого во всеобщем дискурсе Центрально-Восточной Европой. Это регион, политически сформированный (воспринимаемый) относительно недавно, в два этапа: во-первых – как следствие ялтинского диктата, длившегося полвека, во-вторых – как следствие процесса преодоления коммунистической системы в ПНР-Польше, а вслед за ней – в остальных европейских странах т. наз. соцлагеря. Столь же недалеко во времени концепция, которую без стойкого результата пыталась воплотить в жизнь Германия в период I мировой войны.

Геополитическое определение предмета (общий обзор)

Отмеченный выше геополитический регион характеризует множество культурно-политических сходств, но, в то же время – и исторически сформированных различий.

Само понятие и одновременно указание на политический субстрат, то есть, территорию сосредоточения в его рамках части относительно недавно сформированных государств, хотя и не ново, но явно условно. Что же скрывается за, по существу, коллоквиализмом «Центрально-Восточная Европа»?

Традиционное, в принципе, географическое деление континента – это Западная, Центральная и Восточная Европа. По большому счёту не существует сомнений по поводу конкретизации геополитического определения первого элемента. В настоящее время это – т. наз. «старый Евросоюз», выросший на базе многовекового культурно-политического процесса, началом которого было образование монархии Карла Великого, а первым политическим разделением, ставшим увертюрой к появлению национальных государств в пределах данного цивилизационного объединения, был международно-правовой акт 843 года под названием *Верденский договор*. Это латинская, пост-римская и, в принципе, германская политическая Европа, *limes* которой была Эльба, а впоследствии – Одер. К этому пространству позже присоединилась в качестве постоянного элемента Запада германская Скандинавия.

Третий элемент – это структура, в которую начало преобразовываться Великое Княжество Московское в эпоху Ивана Грозного, причём здесь *limes - кордон* изменялся в связи с реализацией двух концепций Руси: *доктрины собирания русских земель* на западе и завоеваний на востоке, благодаря чему Московское государство, постепенно покоряющее Центрально-Северную Азию (*sic – З.Ю.В.*) войдёт в череду событий, постепенно формирующих грядущие (и современные) евразийские концепции, столь популярные сегодня в качестве возможной (или уже существующей) государственной доктрины в современной России. В цивилизационном измерении, как средневековая, так и более поздняя Россия, несомненно, оказалась вне сформированной уже в период Ренессанса (который России не коснулся) латинской цивилизации, которая, по мере развития и экспансии, будет названа Западной цивилизацией.

Между Западом, в таком его понимании, и началом Востока Европы, являвшимся одновременно вступлением к будущей Евразии, логично расположить Центральную Европу. Та, в свою очередь, геополитически, безусловно, делилась на *Центрально-Северную Центральную Европу* и *Центрально-Южную Центральную Европу*.

Первая из них, ядром которой со времён люблинского Объединительного договора – Люблинской унии 1569 года – была Речь Посполитая Обоих Народов, по прошествии столетий будет отождествляться, особенно после конституционной унификации 1791 г., с Польшей. Эта территория после 1596 г., в связи с идеологическим внутренним объединением в виде церковной Брестской унии, стала, как и первый элемент Европы, частью латинской, а следовательно – западной цивилизации, и оставалась таковой до конца XVIII века – в то время как Западная Европа, в значительной мере разделившись после Реформации по идеологическому признаку, перестала быть «латинской» и осталась «западной», неся с XVI века свою протестантскую и латинскую «западность» Новому свету – обоим Америкам, а со временем также на новый Австралийский континент, формируя и замыкая геополитическое измерение современных пределов западной цивилизации.

Центрально-Южная Центральная Европа, граничащая на севере с Речью Посполитой – это регион на культурно-политическом стыке трёх цивилизаций: латинской (западной) на большей части территории габсбургской Дунайской монархии, византийско-православной, в описываемый период большей частью

находящейся под властью Османской империи – которая, в свою очередь, представляла исламскую цивилизацию в турецкой версии.

Таким образом, можно с уверенностью выдвинуть тезис, что образования, которое можно было бы определить употребляемым сегодня в политическом и публицистическом контексте понятием Центрально-Восточная Европа, по цивилизационно-политическим причинам, обозначенным выше, **попросту не существовало**. Не было предпосылок для формулирования такого понятия. Тем более их не было на протяжении двух последующих веков, когда по политическим причинам (покорение и оккупация) с политической карты тогдашней Европы исчез весь вышеупомянутый «центрально-северный элемент», то есть, проще говоря, поликультурная и полиэтничная, но политически и цивилизационно единая Польша эпохи до её разделов. Принципиальное изменение произошло с завершающим I мировую войну договором [внимание: с 843 г. До настоящего времени Европу как политическую структуру формируют договоры] – Версальским договором 1919 года.

Только с этого момента безусловно можно говорить о существовании политико-географической, хотя по-прежнему двухцивилизационной (ислам, за исключением дехристианизированных анклавов среди славянских автохтонов в Боснии, южной Болгарии и в Албании, был на протяжении веков вытеснен из Европы) не только Центральной, но и Восточной Европы.

Итак, существует ли формула территориально-культурной, цивилизационной, экономической общности, заключаемой в так часто употребляемой дефиниции – **Центрально-Восточная Европа**? Да, существует как категория, которую социология определяет, как *общность судеб*. Страны – народы – государства Центральной и Восточной Европы со времён средневековья до наших дней испытывали подобные внешние вмешательства, а наиболее значимым был опыт, связанный с тоталитаризмами XX века. Нет, как организованная формула. Да, как определение политико-географического пространства между Одером и Днестром, а также южным побережьем Балтийского моря и северным – Адриатического и Чёрного морей. Нет, как единообразное цивилизационное пространство, поскольку очерченный выше географический регион является

территорией столкновения и взаимопроникновения не только культур, но и цивилизаций.⁸

Через территорию понимаемой в приведённом здесь значении «Центрально-Восточной Европы» (кавычки - sic) в меридианном направлении пролегает упомянутый хантингтоновский цивилизационный разлом. Тезис Хантингтона, неоднократно оспаривавшийся и отвергавшийся⁹, получил практическое подтверждение в результатах последних президентских выборов в Украине. Нельзя отрицать, что в культурном и политическом, а в результате, и в цивилизационном отношении возникли две Украины: *оранжевая* и *голубая*, и что это разделение на картах результатов выборов совпадает с линией, до которой простирается влияние западной цивилизации. В Белоруссии разлом охватывает относительно компактные пределы римско-католических приходов, что в данном случае почти тождественно территориям компактного проживания там польского национального меньшинства, которое на выборах преимущественно поддерживает нынешнюю прозападную белорусскую оппозицию¹⁰.

Вышесказанное даёт основания для выделения (указания) трёх культурно-цивилизационных кругов «Центрально-Восточной Европы»:

Круг 1: Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Литва, Латвия и Эстония (Финляндию следует отнести не к Центрально-Восточной Европе, а к скандинавскому культурно-политическому кругу), компактно расположенные по отношению друг к другу, к которым надо добавить периферийные по отношению к ним, но цивилизационно близкие Хорватию и Словению.

Круг 2: Румыния и Болгария, а также Македония, Сербия и Черногория – это южная часть Центральной Европы. Там преобладает православная и постправославная культура константинопольского центра, то есть, идейно автономная, отличная от московского культурно-политического центра.

Круг 3: Украина и Белоруссия вместе с Молдавией – это, безусловно, Восточная Европа. Несмотря на общность судеб, это пространство доминирующей православной

⁸ Недавно эти проблемы чрезвычайно интересно, верно и исчерпывающе представил Р. Кравчик (R. Krawczyk *Podstawy cywilizacji europejskiej*, Warszawa 2004).

⁹ Ср., Например, Witold Marciszewski *Cywilizacja liberalna a świat zachodni. Próba uściślenia pojęć poprzez definicje operacyjne*; [в:] <http://www.calculumus.org/lect/mns/12/cywiliz.pdf>.

¹⁰ З.Ю. Винницки. *Польша-Беларусь: цивилизационный разрыв...* op. cit.

или постправославной культуры московского центра, со всеми цивилизационными, а следовательно, и политическими последствиями.

Первый круг, цивилизационно единообразный, не является однородным с точки зрения основных рас Европы (славяне, угро-финны, балты). В цивилизационном отношении расовая принадлежность не имеет значения¹¹.

Второй круг – это, за исключением Румынии, славяне.

Третий круг – это славяне вместе с достаточно случайно возникшим, вследствие раздела Румынии в 1940 году, человеческим субстратом молдавских румын.

*Модельный обзор взаимоотношений
(международных отношений) внутри кругов и вовне*

Как соотносится представленное разделение с элементами международных отношений в пределах очерченной здесь «Центрально-Восточной Европы»? Первый круг характеризует близкое, интенсивное и углубляющееся сотрудничество в пределах круга, несмотря на некоторые сохраняющиеся исторические противоречия, такие, как, в частности, далёкое от хорошего (по стандартам Совета Европы) положение польского национального меньшинства в Литве. Это сотрудничество осуществляется независимо от генезиса расовой структуры данного круга. Его компактная часть – это члены ЕС. Периферийные субъекты – это безусловные кандидаты в члены ЕС, а задержка с их вступлением стала следствием цивилизационного конфликта периода гражданской войны в бывшей Югославии. Субъекты круга (временно – за исключением периферийных) тесно, без ограничений сотрудничают с представителями второго круга, в особенности с его ближайшими в политическом отношении элементами, каковыми являются новые члены ЕС – Румыния и Болгария. В отношении третьего круга субъекты круга первого ведут диверсифицированную политику. Здесь особой является роль самого крупного субъекта – Польши, стремящейся к как можно более сильному сближению с первым кругом, а следовательно, с европейскими и евроатлантическими структурами, обоих *хантингтоновски расщеплённых* субъектов, то есть, Украины и Белоруссии.

¹¹ Так S.P. Huntington *Zderzenie cywilizacji ...* op. cit., а также значительно ранее: F. Koneczny, *O wielości cywilizacyj*, Wyd. Antyk - Marcin Dybowski, wyd. V - te, Warszawa 2002.

Первый круг лидирует в регионе по экономическому развитию. В круге не проявляются конфликты между субъектами. Круг постепенно внедряет стандарты в области прав человека и гражданских прав.

Второй круг характеризует сравнительно слабое сотрудничество, а во всяком случае, значительно менее интенсивное по сравнению с субъектами первого круга. Его характеризует наличие конфликтов и некоторая двойкость: Румыния и Болгария политически ориентированы иначе (проевропейски), нежели остальные члены круга. В целом круг характеризуется более низким уровнем экономического развития в сравнении с первым кругом. Круг отличают недостатки в последовательном внедрении стандартов в области прав человека и гражданских прав.

Третий круг характеризует, вопреки декларациям (стимулируемая государством, в особенности в Белоруссии, *славянская идея*) отсутствие тесных связей и близкого сотрудничества, вышеупомянутое *расщепление*, то есть отсутствие однозначной концепции направления внешнеполитической ориентации. Уровень жизни населения – самый низкий, что является следствием уровня модернизации национальных экономик. Круг характеризуется самым низким уровнем соблюдения стандартов в области прав человека и гражданских прав.

Первый и второй круг – это Центральная Европа. Россию, как феномен отдельной цивилизации и субъект, развивающий евразийскую доктрину, оставим за пределами настоящих размышлений. Итак, существует ли «Центрально-Восточная Европа»? Для научно-исследовательских целей – существует. Географически – тоже. Как геополитический факт – только с учётом цивилизационных различий трёх кругов и с такой оговоркой.

Размышления и исследования процессов, происходящих в пределах Центрально-Восточной Европы, следует вести, учитывая её цивилизационную неоднородность. Из факта этой неоднородности следует, что, безусловно, существует исторически сформированный регион Центральной Европы, географически рядом с которой сосуществует Восточная Европа. Отношения, которые возникают между ныне существующими субъектами данного региона, независимо от политических (организационных) конфигураций, в которых эти субъекты в настоящее время функционируют, являются функцией их цивилизационной принадлежности, традиций, опыта, и, наконец, интересов. В качестве единого организма такой

«Центрально-Восточной Европы» декретировать нельзя¹², так как, несмотря на продолжающуюся модернизацию, культурно-цивилизационные круги разнятся, что заметно в их государственной практике и политике – как внутренней (права человека), так и внешней (ориентации). Каково же будет организационно-политическое наполнение кругов в будущем – предсказать невозможно. Ещё 20 лет назад, при жизни сегодняшнего среднего поколения, никто, с футурологами включительно, не представлял себе распада СССР и Польши в НАТО. Как и того, что в якобы унифицирующихся геополитических структурах, в том числе в самой Европе, количество государств будет увеличиваться, а не наоборот. В то же время сохраняется практически неизменная цивилизационная система, предопределяющая политическое поведение. Потому все исследовательские изыскания и проекты следует вести, принимая её во внимание. Унификация, вопреки всему, может вести к дестабилизации в регионе. В этом в Европе убеждает новейшая история субъекта, который назывался Югославией.

¹² Это, скорее, феномен, являющийся предметом литературного обозрения; ср., например, творчество Богумила Грабала, Анджея Стасюка и Юрия Андруховича.

Проф. д-р, Марек Врублевски

Заместитель директора по научной работе, Институт Международных Исследований, Вроцлавский Университет (Вроцлав, Польша)

СТРАТЕГИЯ РЕГИОНОВ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ – РЕГИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТ И НОВАЯ ПЛОСКОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Перед лицом современных многомерных цивилизационных вызовов (политических, экономических, социальных и культурных), стратегическое планирование в публичной сфере приобретает особое значение. Оно становится уже не только сферой деятельности государств, но и необходимостью на региональном и даже локальном уровне. Стратегическое управление создаёт шансы получения хотя бы частичного влияния на направления развития и характер отдельных структурных изменений конкретных территорий и общин.

Следует также отметить, что не случайно ведущей темой Нижнесилезского Политического и Экономического Форума 2012 года, идущего параллельно нынешней конференции, является «Региональное развитие в перспективе глобальных изменений». Такой подход обоснованно выдвигает на первый план роль влияния тенденций и процессов наднационального характера в функционировании малых единиц административного деления стран, каковыми как раз являются регионы. По этой причине, в частности, часть представленных здесь тезисов для дискуссии будет также касаться внешнего окружения региона.

Общие замечания

Прежде всего, нам кажется, что «голос регионов» в государственной стратегии должен быть чётко слышен и осязателен. Регионы как ключевые составные элементы государства должны иметь реальное влияние на процесс стратегического планирования страны. Несомненно, ролью «центра» является определение принципиального направления развития государства, но воеводства также должны иметь фактическую возможность влияния на выбор стратегических приоритетов, содержащихся в государственных планировочных документах, в особенности в сферах, имеющих непосредственное значение для региона. Этот постулат кажется

оправданным в польских условиях ввиду объёма задач, переданных на уровень самоуправления, в том числе регионального. Кроме того, государственные и региональные стратегии должны характеризоваться взаимной комплементарностью, воздействуя каждая на соответствующие ей по естественным причинам виды проблем.

Конструирование региональной стратегии, однако, не может не учитывать также глобальных тенденций и процессов. Ввиду прогрессирующего процесса интеграции в мире, в особенности экономической и финансовой сфере, стратегическое планирование на уровне региона должно учитывать изменения в широко понимаемом внешнем окружении. Стоит отметить, что сегодня почти половина нижнесилезского ВВП создаётся благодаря экспорту изделий на международные рынки. В результате, в региональном планировании нельзя игнорировать именно наднационального контекста. Аргументы, свидетельствующие в пользу этого постулата, чётко прослеживаются через призму степени интернационализации региональной экономической системы и связанных с нею процессов, прежде всего применительно к международному движению капитала и торгового обмена с границей.

Международное движение капитала, в особенности в форме прямых инвестиций, имеет глобальную природу и как таковое подчиняется глобальным тенденциям, но, в то же время, представляет собой существенный фактор развития на уровне конкретных регионов. Более того, мультипликаторные эффекты прямых иностранных инвестиций на региональную экономику столь существенны, что влияют на структурные преобразования региона. Именно поэтому необходимо учитывать влияние глобальных процессов на развитие региона, и, следовательно, стратегическое планирование на уровне региона также должно в меру возможностей предусматривать такого рода внешние явления. Такая констатация, в конечном итоге, показывает, что на региональном уровне важной проблемой является систематическое развитие или укрепление сравнительных преимуществ в свете наднациональных тенденций. Кроме того, создание надлежащего инвестиционного климата региона в настоящее время является ключевым в анализируемом аспекте, и влечёт за собой определённые последствия для стратегического планирования, которые также следует учитывать.

В данном контексте вторым важным аргументом в пользу принятия во внимание глобальных тенденций в стратегическом планировании на уровне воеводства, как нам кажется, является необходимость обращения внимания в планировочных документах на конкурентоспособность региона (понимаемую

как конкурентоспособность его экспортного предложения), а следовательно – на его способность к эффективной конкуренции на международных рынках. Ввиду потенциальной роли экспорта как важного фактора экономического роста и структурных изменений, действия в этой сфере на уровне региона ныне имеют важное значение. По этой причине в процессе стратегического планирования и планирования экономического развития в масштабах воеводства во внимание должны приниматься также тенденции движения товаров в международном масштабе.

В результате можно признать необходимым также создание региональной марки, связанной с маркой национальной с прицелом на соответствующее международное восприятие. Эмпирические исследования показывают, что только «марочные» страны и регионы имеют значительно большие шансы на достижение более стойких сравнительных преимуществ в сравнении с прочими регионами. Кроме того, в связи с трендом «Made in the World» (глобализация производственной цепочки), демонстрируемым Всемирной Торговой Организацией, кажется, что создание марки, понимаемой как собрание положительных качеств, ассоциируемых с регионом/государством, будет очень эффективной стратегией. Также миграция человеческих ресурсов и возможности международной передачи знаний и технологий являются важными процессами, тесно связанными с внешним окружением, и, в то же время, в значительной мере влияющими на функционирование региона.

Следует отметить, что традиционные источники сравнительных преимуществ польских регионов (а также страны в целом) постепенно ослабевают. Опора только на относительно невысокие затраты на труд и доступность сравнительно хорошо образованной рабочей силы в Польше в долговременной перспективе может оказаться недостаточным стимулом для иностранных инвесторов (при растущей конкуренции со стороны других стран и регионов).

В таком глобализованном мире (о чём свидетельствуют масштабы глобализации на уровне региона и страны) основной импликацией для стратегического планирования является необходимость открытости к реальному, а не только декларативному международному сотрудничеству (интересным примером чего является инициатива СЕТС, Центральноевропейского Транспортного Коридора, охватывающая регионы Швеции, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и Хорватии). Кроме того, принимая во внимание факт, что часть наблюдаемых сегодня вызовов имеет явно интеррегиональный характер (например, охрана природной среды,

инфраструктурные связи), обоснованным выглядит расширение концептуального и планировочного сотрудничества на международный уровень (там, где это возможно) и взаимодействие при разработке стратегических планов развития.

Кажется, такая воля развития стратегий с учётом участия регионов из других стран находит своё выражение. Проблемой, однако остаётся реальное сотрудничество в данной области. Поэтому необходимо преодоление нередко заметной в этом процессе сдержанности, а также способность взглянуть с более широкой – международной перспективы на стратегическое планирование. Стоит отметить, что и в субъектном смысле несколько регионов из разных стран может иметь большую силу воздействия на эффективность имплементации подготовленной таким образом стратегии. Межрегиональное сотрудничество, если оно фактически будет вестись, может быть также сильным катализатором, усиливающим борьбу с проблемами структурного характера. Это возможность непосредственного использования мер из числа т. наз. надлежащих практик в определённых сферах проблемных решений, а тем самым – взаимное использование полезного опыта и идей.

Частные (прагматические) замечания

Стратегическое управление не может иметь фасадного характера, часто связанного с необходимостью подготовки определённого планировочного документа только для потребностей, связанных, например, с процессом получения средств из структурных фондов ЕС. Стратегическое управление должно быть реальным процессом, вытекающим из фактических потребностей региональной и локальной общины.

Важен постоянный обмен информацией между регионом и центром, но не только в смысле подготовки структурами самоуправления определённых административных отчётов, а и обмен знаниями и идеями. То есть, должны создаваться сильные центры стратегических исследований на уровне региона как платформы постоянного мониторинга социальных, экономических и культурных процессов, делающие возможным надлежащее диагностирование проблем, а впоследствии – эффективное стратегическое планирование для каждого из воеводств и государства в целом.

В этом же контексте стоит обратить внимание на очень важную роль публичной статистики в подготовке соответствующих данных, делающих возможным процесс диагностирования и прогнозирования, которые являются ключевым элементом стратегического планирования. Эффективность и польза от сбора региональных данных требует подготовки соответствующих институтов, действующих на уровне региона не только в области необходимой инфраструктуры, но и в области методологии и самого плана действий.